говиниальный

Международная литературно-публицистическая газета. №9 (14), сентябрь 2010 г.

Газета выходит один раз в месяи. Контакты для участия и сотрудничества указаны в выходных данных в коние газеты

(Московская Правда - 5 июля 2008. Печатается с разрешения автора - О. Мерзликиной)

Сегодня мы предлагаем вашему вниманию обзорную статью «Сны о других», опубликованную в «Московской Правде» 5 июля 2008 года, в рубрике Зазеркалье. Это рецензия Оксаны Мерзликиной на вошедший в номинанты российского «Нацбеста 2007» роман «ПОПРОШАЙКА ЛЮБВИ» нашей соотечественницы Светланы Дион, живущей в Мадриде.

Если представлять Светлану Дион по титулам и регалиям, то она Член Союза писателей России (МГО) с июля 2010 года, член Клуба русских писателей Нью-Йорка, член «Всемирного клуба петербуржцев», финалистка Международного турнира русских поэтов зарубежья «Пушкин в Британии-2004», президент и создатель Международной ассоциации граждан искусства (М.А.Г.И.). Награждена в 2010 году Литературными премиями имени А.П. Чехова и А. С. Грибоедова и памятными медалями Московской городской организации Союза писателей России «за верное служение русской литературе». Если же говорить о человеке с точки зрения профессий и призваний, то список будет гораздо внушительнее: дважды эмигрант (США-Испания), балерина, поэтесса, выпустившая 4 сборника стихов, писательница, мать, выпускница Колумбийского Университета в Нью-Йорке. .

В 2006 году ИД «Ретро» выпустило в свет первое прозаическое произведение Светланы Дион - двухтомный роман «Попрошайка любви», сразу же вошедший в список номинантов премии «Национальный бестселлер». Осенью в Москве в издательстве Вест Консалтинг выйдет в свет очередная книга прозы и поэзии «Небесный почтальон» с диском песен композитора/певца Игоря Тукало под названием «Не дыши без меня». Одновременно в издательстве РЕТРО по инициативе Светланы готовится в СПБ Антология поэзии и прозы литераторов МАГИ.

дающиеся пониманию и переоценке. Еще есть категория памяти, которую часто называют «дежа вю». В прямом переводе с французского это означает «уже увиденное». Когда и где – порой остается загадкой. И чаще всего мы успокаиваем себя тем, что все это нам просто приснилось.

напрочь вычеркиваются из палитры бытия. И зада-

вать себе вопрос, почему именно, бессмысленно. Это

природные, божественные, высшие явления, не под-

Но видеть сны о себе, то есть со своим участием, вещь обыденная. Одни верят в то, что они могут быть вещими, пророческими. Другие, опираясь на научные знания, считают это проявлениями бессознательного, плодами излишней впечатлительности, результатами богатого воображения и проч. и проч. Ну а если тебе снятся сны не о себе? О других? Да еще из прошлой жизни и, если быть точным, события давно минувших лет? Скажем, живешь ты в XXI веке. а видишь каждую ночь, как многосерийный фильм, историю, произошедшую в XII. «Время отражается в зеркале, мы просто не видим его обратного отражения», - одна из мыслей романа. Заметили: цифры 12 и 21 - зеркальное отражение друг друга. Так, может, сны – это отражение нашего прошлого? Но искажено оно или является копией? Или это чужое прошлое?

Впрочем, для Светланы Дион и героини ее романа с весьма символическим именем Вера сны о других - только один пласт многослойного проения. Вера-не-Венера как ее часто назъ другие, к тому же представительница той небольшой части людей, которым довелось пережить клиническую смерть. Ее оживил доктор Перони, использовав, говоря современным языком, «запатентованный» метод оживления мертвых. Но об этом - отдельно и впереди. Вернемся к книге, которая квалифицируется по законам литературоведения как духовнофантастический детектив, потому как налицо все составляющие этого определения. Бессмертные души, блуждающие и заблудившиеся во временном пространстве в поисках иных тел, загадочно переплетающиеся события, даты и имена действующих лиц с разницей в девять веков, убийство, предательство, суицид и преследования - все это удивительным образом вплетено в канву романа

Читатель поначалу запутался бы в хитросплетениях и умозаключениях, возможно даже, от отчаяния отложил бы книгу. Но любопытство – извечный двигатель – непременно берет верх! Можно поначалу перелистать пару-тройку глав, читать, пропуская абзацы, когда повествование покажется монотонным, но в том и парадокс. Рано или поздно сюжет захватывает: будь то рассказ о таинственном замке Лидз или любовная интрига директора музея красавца Вадима и молодой журналистки, снимающей фильм о реинкарнации, - и тогда, даже, дочитав до конца, хочется вернуться в начало и познакомиться с намеренно упущенным из виду. Стоит отметить, что стилистика Дион как прозаика построена на частых повторениях,

возвращениях к уже высказанным мыслям, воспоминаниям подробностей случившегося накануне (читай - в позапрошлой главе. - О. М.). Думается, автор делала это намеренно. Без подобной подачи материала с рефренами и уточнениями – читатель бы упустил нить повествования. Остается только догадываться и восхищаться тем, как мастерски «расправляется» с

патию у любого, кто столкнется с ней и на страницах романа, и в той, виртуальной книжной жизни, тоже пришлось несладко. Но... «Каждый должен себя спасать сам: ни прожить, ни умереть за другого не удалось еще никому». Вера путается в реальном и вымышленном, путает свое и чужое, путает причины и следствия, подозревает и верит, ведет собственное расследование, теряет и обретает любовь. А главное приходит к выводам, способным ошеломить даже здравомыслящего человека.

Сложность расклада пасьянса, за который взялась С. Дион, и состоит в том, что только кропотливое и вдумчивое, последовательное и осторожное ведение игры поможет картам сойтись. Оттого довольно объемное сочинение, состоящее из двух томов, семи частей, сорока семи глав (а каковым, собственно, должен быть настоящий роман?), композиционно выстроено по довольно строгой схеме. Иначе - хаос, сумбур, потеря сюжетной линии. С. Дион держит в руках все многочисленные ниточки, как кукловод управляя персонажами, каждый из которых основной, главный, значимый. И к тому же с филигранно выписанным характером и четко обрисованной внешностью.

Прибавим к этому тот факт, что герои Дион представители разных стран - Америки, Испании, Англии, России. Они находят общий язык вовсе не потому, что в их жилах течет русская кровь. Их, как ется объединяет одна история из прог мистическая подоплека которой заставляет изумляться и порой даже забывать о том, что роман прежде всего труд писателя, вымысел в большей степени, а вовсе не простое описание реальных событий.

Но вернемся к сюжету и Вере-не-Венере. Молодая девушка попадает в клинику доктора Витторио Перони со странным названием «Жизнь После Жизни». Она потеряла память после проведенного с ней сеанса этреума, возвращающего жизнь («этреум» – это «муертэ» наоборот, что в переводе с испанского означает «смерть»). Будучи не в состоянии вспомнить, кем она была раньше. Вера видит странные сны о темноволосой средневековой красавице Сураде, которую казнил за неверность любящий муж герцог Кревкер. Притом она то видит события со стороны, то чувствует, что все происходит с ней самой. В клинике Вера встречается с другими пациентами, пережившими этреум, в частности со странной молчаливой Олл лели, настоящее имя которой - Кларина - запрещено упоминать вслух в присутствии его обладательницы. «Попрошайка любви», как окрестил ее доктор Перони, пребывала в состоянии клинической смерти на девять минут дольше допустимого, что в результате «перенесло» ее мироошушение после воскрешения на девять веков назад. И душа, покинувшая было ее после самоубийства, на которое Кларина решилась из-за потери любимого, успела вернуться к ней же, только в прошлой жизни, не попасть в другое тело, если так понимать закон реинкарнации. История женщины, поверенной и просвещенной, которой довелось стать настоящей подругой Веры, окутана тайной. Ее и стремится разгадать героиня романа после загадочного исчезновения Кларины из «Жизни

Впрочем, именно этому последнему событию и обязана Вера возвращением собственной памяти. Она – молодая журналистка, потерявшая в результате несчастного случая мужа и единственного сына. Но почему именно ей доводится видеть сны о Сураде, встретить на своем пути Кларину, падре Дарапе и Автобусника, Георга Калибри и его родственников, писателя Дэрона, наконец? Почему все они говорят фразами из рукописи, которая была поначалу известна только ей? Как стало возможным совпадение текстов двух романов - Родена Дьюка «История одной нелюбви» и Дэрона Рандо «История одного самоубийства»? По каким законам бытия (и небытия) разыгрывают они в период смены веков те же роли, что девять столетий назад? «Невидимая нам паутина совпадений... Невидимые траектории судьбы... Добрые и злые волшебники, творящие чудеса волшебной палочкой... Не олицетворяют ли они в сказках «неслучайные мановения» руки судьбы-колдуньи? .Не одно ли и то же Судьба и Время? Наши действия и их последствия – закон кармы наших судеб - не они же и компоненты хода Времени, причинноследственного явления?»

Все произошедшие в жизни Веры совпадения оказываются далеко не случайными, а стечения обстоятельств - только в пользу дела. Кажется, кто-то невидимый руководит ее действиями и поступками, предлагая пройти по этапам чужих жизней, сравнивая и сопоставляя их друг с другом, чтобы понять, кто же она на самом деле. К слову, абсолютно ясно, что портрет трех героинь Светлана писала с себя (подробно о биографии автора мы писали в приложении «Молодцы!» за 11 октября 2007 года). Между тем начинается роман со странного, но весьма возможного совпадения: строчки стихотворения (которых, кстати, предостаточно в прозаическом произведении, потому что С. Дион - еще и талантливая поэтесса и переводчица) из снов Веры точь-в-точь повторяют слова из рукописи пропавшей Кларины. Но клубок событий все же больше напоминает светящийся шар в руках медиума - посредника между душами живых и мертвых, читателя прошлого и предсказателя будущего. Все же элемент фантастики превалирует в книге. Впрочем, это понятно – современные события из жизни Веры и ее спутников, когда ей удается распутать клубок чужих обманов, ошибок и интриг, датированы 2013 годом.

Роман Светланы Дион насыщен размышлениями о вечности, Боге, смерти, любви, душе. Ее перу принадлежат фразы, претендующие на аксиомы науки о душе: «Любовь – это божья тень, скользящая по душам на земле. Со смертью мы столкнемся в жизни дважды. Впервые, когда поймем, что умрем, как все, - и тогда расстанемся с детством. А еще раз, когда поймем, что бессмертны наши любимые, и тогда мы заглянем в вечность». А пока героиня смотрит в зеркало Сначала не вилит ничего лаже собственного отражения. Потом видит несуществующее и давно произошедшее. И в конце концов обретает себя: находит место собственной души в нерожденном когдато младенце. Запутались? Не страшно.

«Загляни в себя – и весь мир как на ладони».

Интервью с Эльдаром Ахадовым

Уважаемый Эльдар, здравствуйте!

С Вами мы впервые познакомились на литературном Портале «Что Хочет Автор?», когда Вы были председателем конкурса «А я любить не перестану...». Я была членом команды жюри. Если помните, тогда произошел спор по поводу этого понятия. А Вы можете сейчас рассказать о том, какие понятия Вы вкладываете в слово «Любовь»? Почему она важна для людей?

На любви зиждется всё живое. К сожалению, подавляющее большинство людей сужает рамки этого понятия до взаимоотношений между полами. По моему мнению, по масштабам любовь как взаимоотношения между мужчиной и женщиной соотносится с Любовью в целом, как жизнь на планете Земля соотносится с масштабами Вселенной. То есть, это тоже любовь, безусловно, но очень-очень узко понимаемая. О Вас всегда помню с теплом.

- Спасибо! Мне тоже очень запомнился этот конкурс.

Ваше творчество неразрывно связанно с Сибирью, с природой и высшими сферами бытия. Вы неоднократно бывали в самых разнообразных экспедициях по изучению родного края. Скажите, пожалуйста, чему Вы учитесь у природы? Каким образом природа влияет на Ваше

Каким образом окружающие ландшафвлияют на характер народов, их населяющих? Лучше и точнее Льва Николаевича Гумилева об этом никто не сказал. Теория этногенеза. Мы - сами часть природы и пребываем в ней

Какие Ваши книги широко известны публике?

Я считаю, что мои книги пока недостаточно широко известны публике, хотя у меня есть достаточно популярные произведения

А есть ли любимые произведения? В момент написания - последнее

Вы пишите о человеке. О его страданиях, душевной боли. Что мы должны понять для того, чтобы стать лучше?

Любить человека таким, какой он есть. Это труднее всего. Может быть, этому и научиться-то невозможно. Слово «должны» здесь неприемлемо. Любовь - это, во всяком случае не долг. Никто нигде никогда ничего никому не должен.

А были ли в Вашей жизни судьбоносные встречи с выдающимися людьми, которые, возможно, повлияли на Ваше мировоззрение или же это были люди, которые повлияли на мировоззрение целой эпохи?

Встречи были, памятные, очень дороіе, очные (с Виктором Петровичем Аста фьевым, с Тимуром Касымовичем Зульфикаровым, с акалемиком Тойво Васильевичем Ряннелем, с Ираклием Андрониковым и многими ещё), заочные (эпистолярные, как с Булатом Окуджавой, например), но судьбу свою кажлый выстраивает сам...

Я знаю, что многие заядлые путешественники верят в приметы, в судьбу. А у Вас есть какие-либо поверья, рассказы, байки, суеверия?

Есть, даже рассказы на эту тему есть: «Война колдуниц», «Заклятье Мудуяхи» и

У Вас недавно был юбилей: разрешите поздравить. Для писателя – это рубеж, смена приоритетов или же просто еще один «лист календаря»? Есть ли творческие планы на будущее, на будущий сезон?

Спасибо огромное за поздравления. У меня нет сезонов. У любви ведь тоже нет сезонов? Так ведь?))))

Уважаемый Эльдар, благодарю Вас за беседу! Успехов, процветания, здоровья, бесконечной любви читателей!!!

Ольга СЫСУЕВА (Хельга ЯНССОН)

Сентябрь 2010 г. Международ Тость В человеке всё должно быть прекрасно

- Светлана, как Вы считаете, красота всегда бывает доброй, а неприглядность злая, а может сказка «Золушка» имеет под собой понимание мудрости, что не все золото, что блестит?

- Я думаю, что прекрасное в человеке это не безупречные черты лица, а незримая красота души и сердца, это благородные деяния и поступки. Это умение любить и дарить себя другим, притом в какой либо форме, включая творчество...

Красота внешняя и внутренняя могут быть и взаимосвязанными. То есть, одна отражает другую. Иногда красивые лица в молодости с годами меняются, черты искажаются не временем, а от накопления злобы, тщеславия, зависти, неудовлетворенности, пустоты и т.д. Сколько лиц пожилых людей я встречала, которыми можно залюбоваться, - они одухотворены необъяснимым очарованием покоя, доброжелательности и доброты, полны сочувствия и мудрости. Они с достоинством несут года, отражают внутреннюю красоту, и искаженные временем черты не видны. А сколько молодых и красивых лиц, холодных и с глупым выражением самодовольства и превосходства вызывают порою и раздражение, и сожаление. Уродлива глупость и духовная слепота. Уродлива жестокость эгоизма. Уродливы трусость и малодушие, двуличие и подлость. Любая красавица с таким пакетом «душевных черт» весьма непривлекательна, не смотря на правильные черты лица и идеальные контуры фигуры... Внешняя красота, к тому же, - весьма спорная тема. Красота - гармония черт лица или идеальное телосложение - понятие эстетическое и величина весьма непостоянная. Представления о внешней красоте менялось и меняется. С течением времени в разные века и в разных странах ценились порою весьма противоположные особенности лица или фигуры...А вот внутренняя красота все же имеет некие постоянные «черты», например любви и доброты, благородства и чувства сострадания, самопожертвования и героизма в служении высшим целям . - и ни время, ни различия в культурах не вносит в них кардинальные поправки. Именно в поисках этих «красот» и странствует душа «по жизням и временам», и именно об этом моя проза и поэзия, о скитаниях человеческой души во вселенной, в поиске своего главного предназначения. И любая красота внешняя, возможно на других планетах уродливая с нашей земной точки зрения, но одухотворенная изнутри свечением невидимого солнца в душе, будет все равно прекрасной... А возвращаясь к Золушке. Это все о том же. О любви. Даже короли без любви жить не могут, Ищут себе в жизни и в сказках невест по любви. ИнаТакие Золушки в истории появлялись, правда, редко... Принцесса Диана. Но ей это не простило ни окружение, ни судьба... Нужно ли, с другой стороны, самим Золушкам искать принцев, дабы быть счастливыми в нашем веке? Думаю, не обязательно... Просто надо жить по велению сердца - примерять «башмачок» в поиске избранника сердца по размеру любви и искренности в отношениях...

- Светлана, выступление перед публикой в реальном соотношении и в виртуальном это нечто иное для вас? Например, на спектаклях вашего балета или перед потенциальными и реальными читателями ваши ощущения более яркие, чем написанная книга или выступление по телевидению, когда такой контакт отсутствует и потому этих возможно ощущений волнения, вдохновения, страха и так далее у вас может и не быть? И тут же второй вопрос. Как - то один человек мне сказал, что если человеку дается шанс биологической жизни, то он должен использовать его для реализации его личных дарований и приобретенных знаний, чтобы состояться как ЛИЧНОСТЬ, которая пришла созидать для других, а не быть весь век потребителем. Что вы можете сказать по этому изречению, добавить или у Dac свое об этом представление?

- Насчет творчества и служения людям через искусство - цитирую первую страницуслова моей героини романа в предисловии: «Книга это добровольный акт дарения себя другим, безвозмездно, и бесповоротно...»

Об искусстве в целом - это же можно сказать. Испытывать радость от дарения себя другим, а не от получения чего-либо от них: давать, а не получать, - дарить не потому, что взамен оценят... Дар, талант, он подарен свыше и его необходимо подарить другим в виде создания прекрасного, на благо других. Если этот дар служит человеку для сугубо личных целей, наживы или питания собственной гордыни и превосходства над другими и самолюбования, то его душа уйдет с земли более уродливой, нежели пришла с эти даром изначально... Она уйдет с самодовольной ухмылкой, с измененным цветом и свечением, а не с доброй улыбкой благодарности и радости от выполненного долга оставить людям крупицу божественного и нетленного, подаренного ей Создателем.

Главное, делать все искренне и с любовью, что бы это ни было. И тогда волнение на балетной сцене или при литературных выступлениях приносит удивительное удовлетворение от общения со зрителем или слуша-

Меня учили балетные и литературные педагоги «говорить со сцены с публикой словно с одним родным и очень дорогим и

> близким человеком. Задушевно и честно. Говорить «душа в душу». И я всегда стараюсь этому придерживаться. Тогда и волнение и неуверенность просто отступают на задний план и остается диалог именно диалог. Слышишь немую реакцию зрителя или слушателя. Чувствуешь его дыхание... Это удивительное чувство слияния знакомо многим музыкантам, артистам и литераторам.

> - Светлана, вы заслуженный человек и довольно известный, недавно вы получили две литературные премии: за расширение границ литературного пространства и за верное служение русскому слову с вручением медали А.П. Чехова от Союза писателей России. Это придаёт вам чувство, некоей своей необычности?

> - Сергей, я самый обыкновенный человек, а мою известность Вы сильно преувеличили. Я просто пишу и верю, что мои строки кому-то помогут пережить трудное время в жизни или просто от них станет светлее на душе..

> В этом номере мы представили скромную и обаятельную женщину, как вы можете понять из общения и фотографии, но мы не смогли обойти стороной все достижения и регалии, которые эта женщина по праву заслужила своим творчеством.

Беседу провел Сергей ПАШКОВ

А что, если в небе читают стихи, И лучшие строфы и строки Заносят в архив, как и наши грехи, И подвиги наши, а Боги

Их с помощью ангелов судят и жгут, И пепел нам ветер приносит... И эту небесную пыль поутру Вдохнешь – и поэзия в прозе

Нежданно забрезжит, и нам невдомёк, Откуда порою, как чудо, Берутся каскады изысканных строк... А в море - зола изумрудов...

ЗВЕЗДНЫЙ ЧАРОДЕЙ

Неузнанный живет среди людей -Печальный, мудрый, вечно одинокий -Художник звездный, Ангел-Чародей, Еще Атлантам он давал уроки...

Земной закат всегда неповторим, И каждый раз рассвет рисует новый Художник Чародей пока мы спим, Но не написано о нем ни слова...

Творит, - и как не устает рука? Диковинною радугой двойною Нас удивит, - запляшут облака, Живой картиной поплывут чудною,

А иногда он черпает с лихвой То красной, то зеленой краски, -И лес пылает огненной листвой, А в сосняке - одни зеленоглазки!

Он белый цвет лелеет, как дитя, И белоснежной краски не жалеет, На снег, на облака, лишь цвет дождя Нарисовать для нас всего труднее...

Он тайны цвета знает и цветов, Оттенки и любви, и состраданья, В альбоме Чародея - море снов, Пейзажи судеб, миражи сознанья.

Как различить его среди людей, По поступи, по выраженью взгляда? -В нем что-то есть от белых лошадей, Пасущихся на склонах Небограда,

В нем что-то от кувшинок, лебедей. И что-то от берез в плену сугробов, Волшебник, маг, художник, чародей, Мой сон заветный нарисуй! Попробуй!

Нет выхода - я верю только в чудеса: Не по заказу, не в награду, не из сказки, А в те неслышные, незримые - в сердцах, В те, что тайком от нас и без огласки...

Среди чуждых людей и пейзажей -В городах и деревнях чужих -Я скитаюсь, гонимая жаждой Вновь наткнуться на тихий родник, Где знакомы и камни, и кочки,

Колокольчик где грустно поник, Где журчанье воды, словно строчки, Вторит эху мелодий родных...

Мне от тебя не нужно ничего... Ты просто будь -

как снег, как свет, как ветер... И сколько вместе нам отмерено шагов На этой неразгаданной планете? Не НАМ решать. Но только НАМ мечтать, Загадывать безумные желанья – Ведь иногда снисходит благодать... Поверь, с тобой я не ищу свиданья.

* * *

Пружина времени в спиралях бытия Моей судьбы запутывает нити... Скажи, ты счастлив? Может быть и я Смогу тебе не раз еще присниться?

Какая разница – во сне иль наяву? Твой взгляд знаком до головокруженья: Так будит ветер ласково траву, Так тишина ласкает отраженье

Плывущих на рассвете облаков Вдоль безупречной памяти воды., Так рябь, так дрожь, так звон колоколов. -И узнавание... Ты -я.... Я - это ты... Наверное, друг друга

так узнают цветы...

"ОПУСТЕЛА БЕЗ ТЕБЯ ЗЕМЛЯ..."

Посвящается Н. Д.

С каждым годом мне небо все ближе, А березы и снег все белее, Я тебя никогда не увижу... Я, как прежде, тобою болею,

С каждым летом рассветы все тише, А журчанье ручья все милее, Я тебя никогда не услышу... Только память по-прежнему тлеет,

С каждой осенью все холоднее, И тоска, словно сырость, повсюду, Сердце, руки, душа коченеют, Я тебя никогда не забуду...

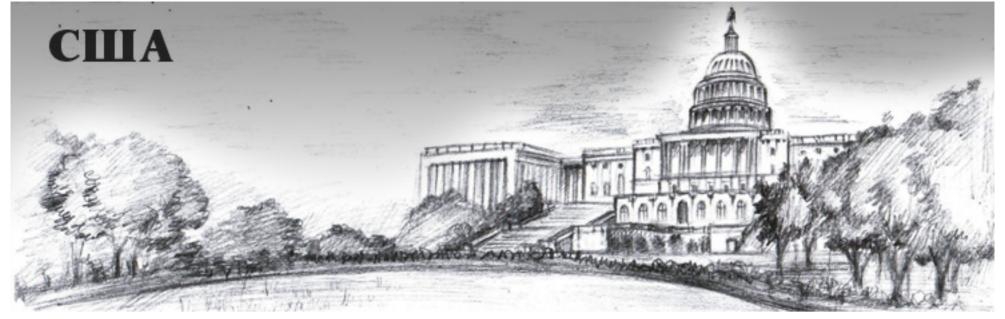
С каждой новой весной ты все тот же, А ко мне – беспощадна природа, Мне уже ничего не поможет: Ни любовь не спасет, ни свобода,

С каждым новым дождливым рассветом-Все суровее тучи над лесом, А отсутствие синего цвета В серый красит наш мир поднебесный,

Но в заоблачных далях пусть звезды Осветят тебе тропы вселенной... Снова птицы совьют себе гнезда На Земле опустевшей и бренной...

Международная литературно-публицистическая газета

Татьяна Янковская

Родилась Ленинграде, школьные годы провела на Урале. Окончила химический факультет ЛГУ. С 1981 года живу в США, работала в университетах и частных фирмах, заведовала лабораторией в корпорации Honeywell. Литературной деятельностью занимаюсь с 1990 года, проза и эссеистика публиковались в журналах «Нева» (Россия), «Слово\Word» (США), парижский «Континенет», «Время искать» (Израиль) и др. Финалист конкурса «Славянские традиции-2010». Книга прозы «М&М. Роман в историях» в 2009 г. была номинирована на премии «Русский букер», «НОС» и «Русская премия». Печаталась на английском языке в газете The Riverdale Press. В 1990-е годы в Олбани (штат Нью-

Йорк) организовывала выступления писателей, поэтов, актеров, бардов (И.Губерман, Л.Улицкая, Д.Рубина, В.Смехов, В.Долина и др.). В 2003 г. опубликовала сборник поэзии барда Кати Яровой (1957-1992), являюсь продюсером собрания ее песен на трех дисках, опубликовала несколько статей о ее творчестве. Член Международного союза литераторов и журналистов APIA-WORLD и Клуба писателей Нью-Йорка.

великий, могучий (юмор)

Когда наша племянница Оля, инженер по образованию, в 90-е годы приехала в Америку, она, как и все - ну, почти все - была готова на любую работу. Ну, почти на любую. Она устроилась работать в детский сад, что было не так плохо для начала, но платили там мало, и она искала подработку. В это время в наш город приехал из России новорожденный балет на льду – тогда много создавалось коллективов подобного рода, и спонсоры вкладывали деньги, чтобы снарядить их в заокеанское путешествие, надеясь войти в долю при дележе бешеных денег, заработанных гастролерами. Не успев приехать, балет разбежался. Посчитав, что скольжение по льду не обеспечит им нужной устойчивости, фигуристы решительно откинули коньки и, кто как мог, пытались твердо встать на новую почву. Женщины в срочном порядке повыходили замуж за американских граждан, а мужчины стали устраиваться, кому как повезет: кто автомехаником, кто по малярной части, а кто и тренером. А один молодой человек по имени Алеша решил, что пойдет другим путем, успешно опробованным слабым полом, и женился на скромной девушке с ангельским лицом. Ее так и звали – Эйнджел. Она была из католической семьи, верующая, влюбилась в разбитного Алешу без памяти и, чтобы стать ближе к нему и свободно общаться с его друзьями, решила выучить русский язык.

Когда Оля услышала от общих знакомых, что Эйнджел ищет учителя русского языка, она решила, что давать уроки лучше, чем мыть полы в чужих домах, и что она сможет научить Эйнджел не хуже любого другого. А заодно и сама грамматику подучит. Она обратилась за благословением к Кире, учительнице английского языка из Москвы, которая вела курсы английского для иммигрантов и преподавала русский в одном из местных колледжей. Кира дала Оле несколько советов и несколько учебников и предложила звонить, если что.

Оля храбро взялась за преподавание. Эйнджел не менее храбро освоила алфавит, внушающий среднему американцу священный ужас, и быстро продвигалась - благо, было с кем практиковаться дома. Справедливо полагая, что знание языка не ограни-

чивается словарным запасом и грамматикой, Оля старалась приобщить Эйнджел и к русской культуре. Как-то она взяла ее с собой на концерт заезжих гастролеров, актеров из некогда популярного московского театра, которые выступали с чтением стихов и пением романсов. Войдя в зал, Оля увидела Киру и решила похвастаться успехами своей ученицы. «Кира! Познакомьтесь, это Эйнджел». Кира повернулась к ним и по-учительски четко произнесла: «Здравствуйте, Эйнджел! Как дела?» Оля с гордым ожиданием смотрела на свою ученицу и вдруг услышала, как ангельские уста произнесли в ответ: «За..ись!». «Ах, так вот чему ты ее учишь?» – тем же тоном сказала Кира и, развернувшись на каблуках, быстро отошла. Остолбеневшая Оля лепетала что-то ей вслед в свое оправдание.

Обретя наконец дар речи, она сказала расстроенно:

– Эйнджел, да разве я тебя этому учу? Ну откуда ты это взяла?

- Но когда к Алеше приходят друзья и спрашивают «как дела», он всегда им так отвечает. Они все так отвечают. И я решила, что лучше ответить не как в учебнике, а как русские в жизни говорят.

- Да ты хоть знаешь, что это значит?

Оля шепнула ей на ухо. Что стало с Эйн-

джел! Она и на родном языке никогда не употребляла так называемых четырехбуквенных слов, да и вообще никаких слов из тех, что в телепередачах заменяют коротким гудком, а тут на чужом языке так опозорилась! Но она взяла себя в руки, прошла в последний ряд, села на стул и тихо заплакала. Оля пыталась ее успокоить, но та была безутешна. Весь концерт она то сотрясалась от беззвучных рыданий, то переходила на тихие слезы. Даже романсы не смогли отвлечь ее от страданий. Когда после концерта Оля везла свою

обессилевшую от слез ученицу домой, она все еще переживала из-за произошедшего конфуза. Но вдруг она успокоилась, повеселела и, повернувшись к Эйнджел, поучительски четко сказала: «Поздравляю тебя, Эйнджел! Теперь ты с полным правом можешь сказать, что действительно овладела русским языком!» И они обе рассмеялись.

Помощь водолея

Не зря говорят – за помощью идут к Водолею. Вот и президенты в трудные годы часто бывают Водолеи – у нас Ельцин, у американцев Линкольн, Вашингтон, Рейган... А я сама Водолей. И вот отдыхали мы как-то с сыном в доме отдыха в Гаграх, он тогда в 10-й класс перешел. Там такие домики в лесу, и у нас был свой домик, чистенький, симпатичный. По вечерам все ходили на танцы. Туда надо было по лестнице подниматься, сначала до небольшой полянки, а потом дальше по ступенькам до танцплощадки. Местные тоже туда приходили танцевать. А у нас среди отдыхающих были молодые пары из Петербурга, и вот они танцуют, вечер теплый, звезды, музыка, днем накупались, на солнце нажарились – ну и кровь играет, голову кружит, и вот смотрю - мужчины партнерш своих крепче прижимают, руки по спинам вниз поползли, один шею целует, другой в ухо дует. И вдруг меня как будто током ударило, неспокойно так стало, и я решила, что пора нам с Леней уходить. Лестницы уже фонарями были освещены, а на полянке между ними темно, и было мне страшновато, как будто за деревьями кто-то прячется.

Пошли мы, умылись - там надо было лесом идти к туалетам и душевым, тоже чистенько все было, хорошо. Леня лег спать, а я решила почитать перед сном. И вдруг в дверь стучат, настойчиво так. Я открываю – а там несколько пар наших, мужчины в крови, женщины плачут: «Помогите, нет у вас йода, бинтов? Что нам теперь делать?» Оказывается, их избили. Когда они спустились по первой лестнице на полянку, их там подкарауливали местные, и стали мужчин избивать. Женщины в крик, все пустились бежать, еле ноги унесли. Вынесла я свою аптечку - у меня все, что надо, всегда с собой - воду, полотенца, и стала им ссадины обрабатывать, а тут из леса выходит парень из местных, подходит к нашему одному и начинает задираться. Тот завелся, и вот, слышу, идет разговор на повышенных тонах, вот-вот в драку кинутся. Наш уже местного за грудки схватил. А у меня молнией в голове: «Ведь он же не один. Его вперед послали как провокатора, а если наши бить его начнут, дружки ему на подмогу придут, наверно, уже подготовились получше, вооружились». Я бросаюсь к ним, втиснулась между ними: «Да погодите вы, ребята!» А местному говорю: «Слушай, как тебя зовут?» И все засмеялись, так это было нелепо: они тут друг друга убивать собрались, и вдруг между ними влезла какая-то интеллигентная в очках и в ночной рубашке и хочет познакомиться. Местный тоже засмеялся, его Николаем звали. И я чувствую, как градусы в атмосфере пошли на убыль.

- Что случилось, Коля? Что они вам сде-

- А че они тут понаехали с проститутками, бардак нам на танцах устроили! Там ведь и наши девушки тоже, мы здесь к такому не при-

- Что ты, Коля, какие проститутки? Они же все со своими женами танцевали! Ну, молодые, на отдыхе, немножко забылись, бывает. Не думал никто, что другим это может не понравиться. Иди домой и друзьям своим объясни, что это женатые люди, никого обидеть не хотели. И уж теперь все будут знать, что у вас на танцах свои правила, и надо их уважать.

Он ушел, а потом и наши разошлись. Не успела я успокоиться, снова стук в дверь. Человек пять молодых женщин просят: «Пойдемте с нами в туалет, а то мы боимся». Пошли мы к туалетам, а темень такая, хоть глаз выколи. И снова что-то мне подсказало, что не надо туда ходить, присели мы в лесу. А утром в душевых и в туалетах обнаружили багры с крючьями и мотыги - это местные припасли, чтобы наших бить, и, видно, сидели там, сигнала дожидались. Вот так! Судьба нас всех ведет, кого надо – охраняет. А не постучись они ко мне тогда, все могло бы плохо кончиться.

Королева

Лет с четырнадцати, когда проявились идеальные пропорции ее небольшой фигуры, она всегда была самой красивой в любом обществе, в любом возрасте – и в 20, и в 40, и в 60. «Королева», - говорили за ее спиной.

В юности она любила разогнаться на велосипеде, отпустить руль и лететь, раскинув руки, как крылья. Такой ее увидел Маленков во время визита в Румынию и велел привести к себе. Когда привели, сказали, что она будет вознаграждена. А она хотела выйти замуж за самого способного мальчика в школе, Давида Джерасси, и сказала Маленкову об этом. Давид об этом еще не знал. Она держалась свободно, чувствуя, помимо исходящей от него тяжелой волны вожделения, искреннее любование ею, которое не позволило бы ему причинить ей горе. Она и вышла за Давида Джерасси – а куда бы он делся? От нее ни один мужчина никуда не делся бы. Они уехали в Нью-Йорк. Она первой из женщин стала ездить на велосипеде с мотором, позже на мотороллере – муж выписал его из Европы, в Америке легких мотоциклов не было. Беременная сыном гоняла по улицам и хайвеям, а в голове звучали Lieder Шуберта, которые она пела, когда недолго брала уроки вокала.

Со вторым мужем ее познакомили в кинотеатре. На следующий день он сделал ей предложение. Во время войны он прятался от немцев у лесника в Польше, потом ушел на восток и вернулся на родину с Советской

Армией, а потом тоже уехал в Нью-Йорк. Он был врач, умный, обеспеченный человек с хорошим характером. С ним было легче, чем с Давидом. Но он был намного старше, и в 70

лет она вторично овдовела. В разговоре с невесткой и молодыми подругами теперь говорила: я лучше знаю, я дольше жила! Но когда познакомилась с 40-летним аргентинцем, забыла, что дольше жила. Она платила за частную школу его дочери, купила машину с откидным верхом. Летела с Хорхе по шоссе, ветер трепал волосы, как в молодости, когда она гоняла на мотоцикле. Она чувствовала себя молодой-молодой и влюбленной, как тогда, когда страстно желала выйти замуж за Лавила Лжерасси. Когда вышла за Хорхе, семья от нее отвернулась. Но ей было все равно, она была счастлива, азарт переполнял ее. хотелось мчаться наперегонки со временем, побеждая его – она всегда побеждала, была рождена победительницей - пусть летят и вьются по ветру волосы, пусть ветер щурит ей глаза, а солнце греет лицо. Впрочем, она все чаще носила шляпу с полями, чтобы не переборщить с загаром, ведь загар старит кожу.

Она надеется, что Хорхе ее переживет. А если все кончится, тогда она недолго еще поживет одна, вспоминая его, и Ежи, и Давида. Будет гнать от себя мысли о сыне и внуках, заведет собаку и назовет ее Шуберт. Или Маленков

Сентябрь 2010 г.

Незаконченное письмо. 11 Сентября 2001 года.

Дорогой мой друг, продолжаю письмо Ты просил написать о том, как прошел мой день 11 сентября 2001 года. Да, я была в Нью Йорке, на работе, когда это случилось. Уже прошло девять лет, а я все еще не написала об этом. Может быть, это письмо послужит основой моего будущего рассказа.

День 11 сентября 2001 года я помню отчетливо, ярко. Я пришла на работу, вернее, приехала на метро, как обычно, к 9 утра.

Работаю я в Манхаттэне на 83-й улице, между Коламбус авеню и Central Park West авеню. Это хороший район, Upper West Side. Извини, что пишу некоторые названия поанглийски, но если писать русскими буквами, очень уж коряво получается. Утро в тот день было ясное, теплое, солнечное. Все было как всегда, босс, бумаги, телефонные звонки, обычная рутина. Около 10 утра позвонила мама. Я взяла трубку, а она кричит: «Включайте телевизор, самолет врезался в Близнеца, в башню!»

У меня свой маленький офис в квартире хозяев, на входе. Две комнатки, разделенные маленьким коридором, там же вход в ванную, босс заходит ко мне только если ему что-то нужно по работе, так что я чувствую себя довольно свободно. Я включила радио, там комментатор кричит: «Башня горит, господи, она горит!» Я побежала в глубь квартиры, нашла стариков-хозяев в гостиной и говорю им:

- Близнец-башня горит, в нее врезался самолет, включайте скорей телевизор, там показывают, по радио передают! - Они смотрят на меня совершенно спокойно и говорят:

- Не может такого быть, это, наверное, кино показывают, - и по-стариковски боясь всяких плохих новостей, телевизор не вклю-

Вижу, их не переубедить. Я побежала назад в свой офис, слышу, по радио говорят, что во вторую башню тоже врезался самолет, и что третий самолет сошел с курса и летит на Вашингтон. Позвонила маме, она мне рассказывает, что по телевизору показывают. Я опять пошла в гостиную, хозяева наконец-то включили телевизор, и я увидела..

Это потом тысячу раз повторяли, но первый раз - это был шок. Башни горели, сбоку торчал хвост самолета, люди прыгали из окон, с верхних этажей, кто не надеялся выйти, и не знаю почему, совсем не было вертолетов.

Никого не спасали с вертолетов, и пожар гасили тоже с земли, а не с пожарных вертолетов. И вдруг одна из башен рухнула. Клубы пыли, камней, людей, машины накрывает на глазах. Ужас. Конец света. Старики в страхе выключили телевизор, я ушла к себе, сижу, слушаю радио, думаю - это война.

Радиотелефон выключили, потом

узнала что вся мобильная связь была отключена по всей стране... У меня в кабинете один из телефонов был обычный, малоточка, он почему-то работал. Я позвонила соседям. у них тоже был простой телефон, а у нас дома - радио, попросила их пойти сказать маме, чтобы она не выходила из дома, а соседка Тамара мне говорит:

- Наша дочка, Настя, пошла на интервью, устраиваться на работу, этим утром в здание рядом с Близнецами, и теперь мы не можем ей дозвониться, мы не знаем, жива ли она. Вот ее номер, попробуйте ей дозвонить-

Я стала звонить, набираю номер раз за разом, Настя, Настя, повторяю, ничего, глухо, ее мобильный телефон молчит, связи нет. Тут приходит хозяин и говорит:

- Иди в банк, отнеси все чеки и деньги, в общем, сделай депозит.

- Банк наверняка закрыт, нет же связи, а у них все операции делаются по интернету. - Нет, - настаивает, - иди и все. Ты

должна делать свою работу. Нанялся что продался. У меня депозит уже был приготовлен, я взяла сумку и пошла

Иду по Columbus Avenue в Chase банк, и идти мне недалеко, всего три блока, отделение банка располагается на углу Восемьдесят Шестой улицы. Надо тебе сказать, что Columbus Avenue на этом участке, от 83-ей ло 86-ой, славится своими ресторанами: там подряд идут разнообразные этнические рестораны, кафе, и клиенты всегда есть. Столики на улице, цветы в горшках и кадках, белые скатерти, официанты в длинных фартуках

И вижу я, что во многих ресторанах силят люли, елят, пьют кофе, читают газеты. непринужденно беседуют. Как будто ничего не просходит, и в пяти милях от нас не горят другие люди в башнях, под обломками. Меня это очень поразило.

Дошла я до отделения банка, а в дверях стоит управляющий и никого не пускает. банк закрыт. Я его попросила выдать мне немного наличных с моего собственного счета так как кредитки уже нигде не брали, это я по дороге выяснила, а у меня не оказалось наличных в кошельке. Он мне говорит:

- Никак не могу, компьтеры, в смысле интернет, не работают, мы не можем делать никакие операции. Просто команды еще нет, а то я бы совсем закрыл отделение.

Пошла я обратно, всего-то прошло минут пять, а по улице, прямо по проезжей части, мне навстречу идут люди, множество людей. Лица у них опрокинутые, сами они уставшие, запыленные. Многие мужчины в белых рубашках, галстуки распущены, пиджаки несут в руках, женщины в деловых костюмах. И те, что в ресторанах сидели, побросали салфетки на стол, положили вилки, опустили стаканы и тоже на дорогу вышли. Я спрашиваю у идущих, что такое происходит, а они говорят, что метро не работает, завалило станцию возле Близнецов, и их всех вывели, сначала через темный тоннель до ближайшей станции, а потом на поверхность, а метро закрыли. Автобусы тоже не ходили, все шли пешком

Я вернулась на работу, босс не может поверить, как это банк не работает. Ну, говорю, сходите сами, если мне не верите. Такая у него была вера в незыблемость его банковского счета, всего уклада жизни, просто потрясающе. Отдала ему сумку с депозитами, он вцепился в нее как в спасательный круг и унес к себе.

Стала я опять звонить Насте, раз пятьдесят наверное набрала ее номер, и тут она мне ответила. Оказывается, утром только началось ее интервью, как это случилось. Все сразу побежали из здания на улицу, и потом, когда первая башня рухнула, люди, огромная толпа, побежали по Бродвею вверх, в Uptown, к мосту, чтобы выйти из Манхеттэна в Бруклин, но Бруклинский мост уже закрыли, и соседние мосты тоже. Людей полиция направляла вверх, в Мидтаун, до 42-ой улицы, а там по мосту - в Квинс. За мостом их встречали, раздавали воду, один владелец магазина привез машину спортивной обуви и отдавал бесплатно. Ведь люди шли пешком примерно 40 кварталов и очень длинный, почти миля длиной, мост. Настя опомнилась уже в Квинсе, смотрит - а у нее ноги все в крови. Она на интервью пришла в туфлях на высоких каблуках, и не почувствовала, как стерла ноги, пока не оказалась в безопасности. Вся, говорит, в пепле, в пыли. Костюм потом она выбросила, его ни одна чистка не брала.

В этот день я ушла домой в половине пятого, немного раньше положенного. Нет. хозяева меня не отпустили, просто я им сказала, что мне надо наконец домой, мама там совсем одна, и ушла. Метро уже работало, и я доехала до своей остановки как обычно, без задержки. Только людей в вагоне было совсем мало, многие не верили, что метро уже рабо-

Погибло, как ты знаешь, около трех тычеловек, половина до сих пор не идентифицирована. Некоторые компании погибли полностью, всем составом. В Близнецах сотни компаний арендовали помещения, там работало много русскоязычных, особенно в финансовых и программистских компаниях, и многие погибли.

Около года после этого, пока разбирали завалы, как подует ветер снизу, с моря, так запах разложения в городе. Многих завалило

в подземных гаражах, на станции метро, а туда не скоро докопались.

Я в тот район не ездила несколько месяцев, не могла, а марте 2002 года приехал к нам знакомый из Питера, проездом на пару дней, и захотел посмотреть на Ground Zero. Я с ним поехала. Мы приехали вечером, уже после восьми и увидели:

площадь значительная возле места падения, кварталов двадцать по периметру, наверное, была огорожена забором из плетеной проволоки, перекрыты улочки, везде стоит полиция. Все было засыпано серой пылью: и земля, и дома. Забор по всему периметру был снизу доверху увешан фотографиями погибших, с надписями, с описанием жизни, краткой биографией. Признания в любви, письма об одиночестве. Много было и таких: не верю, что ты погиб, возвращайся, дети тебя ждут. Такие фотографии и по городу на фонарных столбах долго висели. Цветы, флажки и флаги, транспаранты, множество плакатов, все о скорби, о потерях, о памяти. Никаких призывов к мести, ничего такого.

Мы пошли вдоль забора и в одном месте увидели сбитую из досок смотровую площадку, очень похожую на дебаркадер на Оби, как я их помню из времен моего детства. Полиция туда уже не пускала, было поздно. Мы стояли рядом со входом, и тут я увидела, как подошла группа японцев, все в черных костюмах, с портфелями, и их пропустили, они были из

Я тогда подошла к полицейским и гово-

- Как же так, вот их пустили, а мой друг прилетел из России, и он здесь только на одну ночь, а вы нас не пускаете.

Тогда один полицейский говорит:

- Вот этот парень из России, специально прилетел, давайте их пустим.

И они нас тоже пустили. Мы пошли по настилу и примерно посредине увидели надпись на лосках:

- Остановись! Если бы ты был здесь 11 сентября 2001 года, это был бы твой послед-

Мы дошли до края площадки и увидели огромный котлован, грузовики, бульдозеры, масса людей в масках с лопатами и ломами в руках, и все это залито светом прожекторов. Начали открывать подземный гараж, и был виден верхний ярус машин, засыпанных пеплом, но в остальном абсолютно целых. Кто его знает, может быть, в каких-то из них еще сидели люли

Ну вот, в основном. На этом буду заканчивать на сегодня. Пока, Нина.

> Нина БОЛЬШАКОВА г. Нью-Йорк

Только химия соль, Остальное всё — ноль (Из нацарапанного на лабораторном столе)

Ох, какая же была погода в тот вечер Хорошо бы описать её сильно, настоящими русскими дальнобойными словами. А заодно и тот кусочек города Горького (ясные ночки, буксиров гудочки), где эта погода что хотела, то и делала. Но я женщина, испорченная семьёй и школой, в силу чего моя лексика ослаблена — и значительно. Матом я пользуюсь только в трёх случаях. Во-первых, обжегши руку сковородкой — беззлобно, вслух, как в Старом, так и в Новом свете. Во-вторых, заседая на заседании кафедры — злобно, про себя и только в Старом свете, ибо в Новом — я отдельно, а кафедры отдельно. И в-третьих, при посещении государственных учреждений: очень злобно, во время акта —про себя, а потом, на лестнице, шёпотом и в Старом, и в Новом свете. А в тот далёкий день, когда я, умученная, вылезла после вечерней лекции на Сормовском филиале в густую кашу тьмы, снега, дождя и общей невыносимой отвратительности, я произнесла только: «Ох!». Но подразумевала, естественно, многое. И прежде всего то, что ждать пятьдесят второго - околеешь, а такси здесь, это и ежу понятно, не поймать. Поэтому придётся ехать любым до Московского вокзала, а там, если перебежать через туннель, есть стоянка такси в Гордеевке — месте, неприятном во всех отношениях. Психически здоровый горьковчанин в такое место вечером соваться не станет, а приезжий о существовании на планете Гордеевки и вовсе не догадывается. Поэтому там вероятность поимки такси значительно выше нуля. Улача часто пасётся в местах повышенной опасности.

В автобусе было славно. Пахло бензином, снегом, одеколоном «Шипр» и немного перегаром. В таких вечерних автобусах как-то неспешно и уютно размышляется. Но пока рылась по карманам в поисках шести копеек без слачи — уже и моя остановка. По длиннюшему туннелю под путями Московского вокзала следовало илти быстро. Но не настолько, чтобы каждому было видно, как ты боишься. Всякую интеллигентность — с лица долой, чтобы не разъярять. Однако, нагло ухмыляться и стре-

Только химия соль...

лять глазами тоже не стоит. При этом важно не наступить на прилегшего отдохнуть простого советского человека или на то, чем он недавно так хорошо закусил. Задача эта требует концентрации воли, полного напряжения зрения и максимального отключения обоняния. Здесь можно было бы тренировать эти важные качества у десантников и слушателей развелшкол. но они, видимо, этот туннель ещё не разведали. В момент выхода из туннеля я внутренне поздравила себя и пожала руку. Внутреннее пожимание собственной руки всегда сопровождается потерей бдительности сами попробовать. Когда отлетевшая на миг бдительность вернулась на место, я поняла, что поздравила себя рановато. Квадратные парни в оордовых мохеровых кепках, невнятно галдя. уже почти надвинулись. Господи, вот оно!.. Обратно в туннель? Поздно! Кричать бесполезно Гордеевка же. Сумочку в сторону! Они — за ней, а я — в другую сторону! А вдруг они — не за ней, а за мной? Боже мой, чего они галдят! Хоть бы слово понять! Сейчас убивать будут.

Надо было спасать жизнь, и я уже сделала широкий замах своей сумкой из фальшивой крокодиловой кожи (десятка с мелочью, паспорт с пятой графой, помада, ключи, авторучка). Но броска не последовало, так как в этот момент по всем законам драматургии должен был появиться Герой. Каковой и возник из-за правой кулисы, где жизнь разместила ларёк «пиво-воды». Он явился, как благородный граф из шикарного романа. гле сплошные баронессы и виконты, козетки, бриллиантовые фермуары и маленькие дамские перламутровые пистолеты (мне бы сейчас!). В нём было всё от указанного персонажа. — и прежде всего он был вне мохеровой кепки, и ни одна фикса не сверкнула у него во рту, когда скупо улыбнувшись (благоролные спасители всегла улыбаются скупо. попробовали бы они иначе!), коротко бросил мне: «Пошли!». И я покорно пошла. А мерзкая, трусливая шайка убийц и насильников, согласно законам жанра, растворилась в зловещих

гордеевских проулках. Распахнул дверцы авто: «Садись!». Щёлк — газ, щёлк — счётчик.

Что, испугалась?

— Испугалась. Ещё бы! Громадное вам спасибо!

Не за что. Это таксисты наши были.

Не может быть! Я думала — шпана!

 Шпана и есть. Почему они так галдели?

— Куда везти спрашивали. Клиента в Гор-

деевке не густо. А тут — ты (спасённых можно сразу на «ты»). Обрадовались пацаны. План-то надо делать — загалдишь тут.

— Но почему же тогда шпана?

— Шпана натуральная. С улицы поднабрали, поучили чуток. Они и ездить-то путём не умеют. Вчера один такой кадр на повороте гробанулся с двумя пассажирками. Забыл маленько, что на красный подтормаживать положено. С концами! А кто, скажи, при таких нормах в таксисты пойдёт? Обо мне речь молчит. Я — не пример. У меня дочка инженерша. И муж, главное, у неё такой же. Кормить их надо? Сапоги финские хочется? А ещё и внучка, три года: «Деда, шоколадку принёс?» Вот и развожу таких, как ты. Сейчас, я тебе честно скажу, вообще работать некому, вот так. Возьми хоть «Красную Этну» — одни химики вкалывают.

— Но почему же химики?

— А кому и быть? Сплошь одни химики. Кого ещё найдёшь туда?

Моя умная подруга Нина всегда говорила, что у меня замедленное развитие, но не равномерно, а пятнами. Материками. Такая плешивость иногда после лишая бывает. Видимо, в силу этого, будучи уже в возрасте, когда Пушкин написал «Полтаву». я ещё не знала, что химики — это не только мои коллеги по академическому образованию, но и определённая категория граждан, далёкая от науки, но близкая к уголовному кодексу. Принудработники, кратко говоря. И я задада блистательный по уровню бытового идиотизма вопрос:

— Почему же химики должны работать на «Красной Этне», когда я точно знаю, что это не

химическое предприятие?

На что последовало разумное объяснение: Химика не спрашивают. Небось, не не-

Этот резон меня слегка озадачил. Но я была опытным педагогом и решила прояснить вопрос, используя конкретные примеры.

- Ну, хорошо. Вот я, например, химик... Вот тут-то я поняла, что такое настоящая

опасность для жизни. Мой спаситель, забыв про солидность и так шедшую ему скупую улыбку, бросил руль и зашёлся в диком хохоте. Его корёжило. Он визжал, всхлипывал, булькал, выл и пищал.

- Ой-у-у-у! Химик, говоришь!!! О-о-о-о! Химика везу!!! Ой, не могу, химик! Химик, значит? Говоришь, химик? Не врёшь? Й-ы-ы-ы! Помереть, не встать! Химик!

 Да, химик! — гордо подтвердила я с дурацким упорством маньяка. Видимо, недавно пережитый страх отбил у меня способность к нормальной оценке происходящего и я тупо стояла на своём. Вдобавок ещё и утверждая, что я кандидат химических наук. И мало того учу будущих химиков. Это было уже слишком!

Заранее, стало быть, химиков-то готовите! Химик химика, выходит, учит! — уже почти прорыдал бедняга. О-о-ой, мочи нет! Впрок пекут! Поди, и экзамен на химика сдавать надо?! Ы-ы-ы! А кто не сдаст — куда? В менты? Охх-ха-ха!

Визг тормозов. Так перетак!!! Чуть не врезались! Эх, граф, граф! Я-то, может, и впрямь химик, а не невеста. Но ты-то, ты кула смотрел? Почти перед моим домом чуть в трамвай не влетели... Вот и дом мой, моя крепость открытых дверей — среди луж. Где муж родной, где чай стоит. Как хорошо-то — теперь уже до среды в филиал тащиться не надо. Буду готовить химиков в метрополии. Потом народу сгодятся - всех их со временем на «Красную Этну», на наш простой, на советский Везувий!

Сколько с меня?

- Какие деньги с химика? Нет! И нечего совать! Не возьму всё равно. Будь здорова, химик! Спокойной ночи!

Женя ПАВПОВСКАЯ

Ирина Акс

Первая половина жизни пришлась на второе тысячелетие и прошла в Санкт-Петербурге, вторая — на третье тысячелетие, в Нью-Йорке. Попрежнему пишу стихи и прозу по-русски. Написанное изредка публикуется — начиная с 1977 года — в периодических изданиях Петербурга, Москвы, Лондона, Нью-Йорка, Чикаго и даже Израиля. Была составителем и редактором четырех коллективных сборников поэзии, вышедших в разных издательствах в Петербурге и в Нью-Йорке. Участвовала в различых поэтических конкурсах, в некоторых из них занимала призовые места.

Из цикла «Кризис среднего возраста»

Елена (20 лет спустя).

Я все еще Прекрасная Елена! Мне безразличны распри и хула. Я – Красота, которая нетленна, Я – Молодость! Но молодость – прошла...

В заштатной нашей Трое – пыль и скука, И жизнь однообразна и бедна... Заходит Менелай ко мне без стука И предлагает скверного вина...

Все обветшало, все пришло в упадок, Парис, Ахилл – смешные старики, Обрюзгший Менелай нетрезв и гадок, Но я – прекрасна! Веку вопреки!

Я выхожу – насмешливо и гордо, Блистая прежней юной красотой, И тем же Оффенбаховским аккордом Легко пленяю зал полупустой.

> «О, как на склоне наших лет...» (Тютчев)

На склоне? Брось! Какие наши лета! Седеющий – ты все еще плейбой. Небрежен, мил, слегка навеселе ты, и – стоит только захотеть! – с любой,

и верхняя ступенька пьедестала еще твоя, и ты — на высоте! ...но зеркало с утра глядит устало, и о любви стихи уже не те...

«Скажут: водка его сгубила, я отвечу: это неправда!» (Михаил Бриф)

Не качайте сокрушенно головами, не сочувствуйте, не сетуйте, не надо. Он – Поэт, повелевающий словами, он один такой – от Кушки до Невады!

Все зависит от критериев успеха, от того, какие ценности в почете. А стихи его, простые, словно эхо, может статься, вы еще и перечтете.

Не на многое хватило в жизни силы. Жил как жил.

Не ждал ни кары, ни награды. А судачить станут – что его сгубило, вы не верьте в эти сплетни: все неправла!

...я читаю стихи проституткам... (Сергей Есенин)

Муки творчества - это не шутки! Ну, да мне мой талант по плечу. ...Я читаю стихи проститутке. Я вперед ей построчно плачу.

Виновата судьба моя злая. Ты распутным меня не зови! Я ж - поэт, а никто не желает Слушать вирши мои по любви.

Морозко

Январский воздух - звонкий, как стекло. Сулит Морозко щедрые награды...

- Тепло ли тебе, девица? Тепло!
- Тепло ли теое, девица: Тепло:- Помочь ли? Благодарствуйте, не надо!

В озябшем теле холодеет кровь...

Тепло тебе? - Да, гражданин начальник!

свят-свят! - минуй нас пуще всех печалей!

Морозкин гнев, Морозкина любовь -

То гой еси, а то другой еси нам всем тепло! от кабаков до спален! Закон «не верь, не бойся, не проси» он даже в детских сказках актуален.

Гляжу, прищурясь, в ледяную тьму, холодная луна вдали белеет... В карманах крепче кулаки сожму, а лучше - кукиш: так руке теплее.

Мороз лютует... Вот еще чуть-чуть - и наградит! (да не было бы поздно...) - Тепло ли тебе, девица? - Молчу. Пусть думает, что я уже замерзла.

«Не знаешь Геракла? Ты что, Библию не читал?» (Миша Ш., 3 года)

И вот Геракл, послушный воле Бога-Отца, босиком - как по тверди -

там, где вода ледяная, а Отец золотым дождем -

в Золотого Тельца

(или в быка?) - и похитил

не то Европу, не то Данаю.

И семь тучных телок, и семеро постройней за этим быком, а он им: non licet bovi, не личит мол ему, а сам -

с мигалками по стране, перекрыв все дороги, за всенародной любовью.

В подсознанье мелькают обрывки где сон, где явь, новостная лента, в которой герои и боги,

и то Дух над водами, то зачем-то посуху - вплавь, и темно во облацех,

и хрен знает, что там в итоге.

А король-то...

А что в Королевстве? На том же параде король выступает все в том же наряде.

Все, в целом, обычно: ведь долгие годы костюм короля не выходит из моды.

Успело привыкнуть уже населенье: любуются в пятом, поди, поколенье

все тем же костюмом на том же параде... Сменился король – но менять не пора-де

наряд: в королевстве традиции крепки, гордятся потомки, как некогда предки –

а впрочем, возможно, уже не гордятся, но, как ни крути, в бунтари не годятся.

Соседи с советами лезут – а на-ко, мол, выкуси! Все ж попривыкли, однако,

и всем надоела костюмная тема: ну да, ну обычай, такая система...

Лишь умные мальчики,

праздничным строем идущие вместе в колонне по трое скандируют хором - и слышится где-то: Король-то – одетый! Король-то – одетый!

Чарльстон и лошадь Ваня

Мой муж предложил поездку в Чарльстон. Подарок мне ко дню рождения. Называть это «деньрожденьческой рутиной» пока рановато — всего-то третий год пошёл. Но нам понравилась эта идея, и через пару лет, если не окочурюсь от сигарет и мартини, это может стать семейной традицией...

Погода выдалась роскошная, ехать было легко и радостно. Примерно три часа дороги. Много кофе в термосе, сигареты, музыка – и время летит незаметно.

Мы едем в Чарльстон с севера на юг, а поэтому, чем ближе к месту назначения, тем больше придорожных пальм и знаменитых киосков с плетёными корзинками. О них я ещё расскажу.

Утренний Чарльстон встретил нас, протирая глаза и позёвывая. Ещё толком не проснувшись, он открывал двери магазинов, многочисленных кафе и ресторанчиков. Неохотно махал метлой, сгребая осенние листья с газонов и асфальтовых дорожек.

Едут и едут туристы эти! Надоели! Живём, как в зоопарке! Только и знают, что совать нос в каждую щёлку, в каждое окно, восхищаться да охать и руками трогать! А самое противное – всё фотографируют! Папарацци вольнонаёмные! Живём, как на сцене! Ну зачем, спрашивается, собачку фотографировать? Она что – историческая ценность? Она присела пописать – заметьте, в собственном дворе! – так тут же, тут же, десять фотоаппаратов целятся в неё и мешают доделать то, что задумано...

Но, с другой стороны, это бизнес. К примеру, знаменитая скамейка, на которой сидел Форест Гамп! Кто не знает Фореста Гампа?! Герой фильма о среднем американце, добром, наивном, отзывчивом и глуповатом, в какой-то период своей жизни безустанно бегущем по Америке. Вот на этой скамеечке даже имя его на прикреплённой дощечке. Он, наверное, однажды добежал до Чарльстона и отдыхал на ней. Так какой же турист не захочет присесть и запечатлеть себя на этой скамеечке?!

Все эти Форесты Гампы приносят нам хлеб насущный. Ведь мы живём туризмом! Скорее, скорее нарезать, нажарить, поперчить-посолить, сварить кофе и кормить этих ненасытных удавов.

Господи! Сколько они едят! Неужели нужно было проехать столько миль и вместо того, чтобы притронуться к стене дома постройки 1671 года или потрогать рукой стеклю окна, которому более 400 лет, и оно не треснуло ни от пожаров, ни от землетрясений — как вставил его строитель в каком-то там 1857 году, так и отражает оно солнышко и заглядывающих в окно туристов, — и вот вместо всего этого поспешно усесться в кафе и деловито запихивать в себя безумное количество тостов, омлетов, оладий и кофе-кофе-кофе...

И, конечно же, снова и снова фотографировать! Они фотографируют стол, за которым завтракают. Официанта, который стоит и ждёт чаевые. Старушку, которая гладит кошку. Ну почему старушку? Почему кошку? Чем чарльстонская бабушка и её кошка отличаются от бабушек и кошек из Бостона, Нью-Йорка или Чикаго?

А ведь, конечно же, отличаются! И бабушка, и кошка, и каждый дом, и каждый дворик, и каждый булыжник! У всех приезжих, да и всех живущих в этом городе, такое чувство, что всё, принадлежащее этому клочку земли, – история.

Чарльстон – город-музей. Это живая история Америки. История, которая так бережно, самоотверженно, охраняется всеми: и жителями, и туристами. С разных краев едут, летят, и плывут в Чарльстон, чтобы прикоснуться к ней, к исто-

Так думал утренний Чарльстон, впуская нас на центральную улицу и указывая метлой на гостиницу, где проведём ночь. Сейчас мы только бросим сумки, схватим фотоаппараты и убедимся, что я забыла кроссовки. Старые и растоптанные, но зато удобные. Да! На ногах у меня замшевые сапожки, на каблучке. Черненькие и хорошенькие! На распродаже купила и ни разу не обула. «Я хочу быть нарядной в свой день рождения!» – сказала я и вырядилась, как павлин!

Ну, хоть в машине буду нарядная, для себя! А вечером пойдём в ресторанчик, и я опять буду красивая! Всё логично, но кроссовки, приготовленные для ходьбы по улицам в роли папарацци, я благополучно забыла...

Поначалу я совсем не страдала. Ненасытно глядела левым глазом налево, правым – направо, и щёлкала фотоаппаратом.

Центр города довольно большой, разбегается во все стороны улочками – одна краше другой. Большинство домов – историческая ценность, которую священно поддерживают, подкрашивают, тоды и лелеют. Это дома бывших губернаторов и их родственников. Роскошные мини-дворцы банкиров и домики брадобреев.

Есть улочка, проезжая часть которой выложена булыжником ещё в каких-то там тысячасемьсот-не-знаю-каких годах. Это очень старый булыжник. Вот на нём я и поняла, что мне приходит капут. Я потихоньку стала ненавидеть свои сапожки и, поверьте, если бы не предпоследний день октября, зашвырнула бы их за ограду губернаторского дома и пошла босиком.

Муж сжалился и предложил сесть на лошадь. Ну не верхом, конечно, а в кабриолет. Гид с вожжами в руках и хорошо подвешенным языком, небрежно поцокивая лошадке, рассказывал

о городе и его достопримечательностях. Я краем уха слушала и время от времени вежливо перебивала:

- Скажите, а как зовут лошадь?

- Его зовут Джон.

Джон – по-русски Иван. Эх, нелегкая у тебя работа, Ваня...

- А скажите, какой максимальный вес может тащить лошадь по булыжной мостовой?

Он тихонько удивлялся, но вежливо отвечал и называл цифры. Я на время умолкала, подсчитывая количество пассажиров и средний вес.

- А скажите, Вам не кажется, что у Вани что-то с правым копытом. Он им шлёпает.

Никакого удовольствия от поездки я не испытывала. Мне было жаль Ваню! Может быть, я драматизировала ситуацию, ведь лошади всегда что-нибудь тащат, но я ничего не могла с собой поделать. Я не могла дождаться конца экскурсии. Это у меня с детства: я боюсь, что тому, кто меня везёт, тяжело. Я бы никогда в жизни не смогла использовать рикшу как способ передвижения — я бы переживала, что в гору ему тяжело. А Клеопатра?! Её носили на носилках — то есть на руках! Жестокая женщина! Но я что-то отвлеклась.

Чарльстон! Во-первых, мне очень нравится название города. Я ещё с молодости помню это название, и, как сами понимаете, тогда оно звучало загадочно, загранично и принадлежало другому миру.

Я заглядываю в каждый дворик, восхищаюсь архитектурой и беспомощно сознаю, что мои несовершенные фотографии не отражают даже капельки той атмосферы, в которую окунаешься в этом городе. Я так старалась делать кадры интересными! Всё для того, чтобы передать лицо города.

Я даже легла на газон, чтобы сфотографировать козырёк здания — белый дом какого-то губернатора. Извините, но, как всегда, все имена, пароли и явки у меня в голове перепутались, и поэтому не рискну утверждать, чей именно это был дом.

Когда мне приспичило «попудрить нос», я забежала в кафе, для проформы заказала кофе и рванула в туалет. Там была маленькая очередь. В количестве одной персоны. Кот стоял терпеливо прямо у двери, и я не могла отказать себе в удовольствии сфотографировать его. Официант из зала подозрительно посмотрел на меня.

Я пыталась фотографировать окна. Они необычайно красивы! А на одной моей фотографии козяйка дома, не скрывая своего возмущения, показывает зевакам, что она о них думает... На двух других получился калейдоскоп: интерьер магазинчика, отражение противоположной стороны улицы и мой силуэт с фотоаппаратом. На остальных — туристы, жители города, лошади, собаки, цветущая растительность.

Я люблю дома! Я люблю двери и лестницы. Я люблю витые чугунные ворота. Я фотографировала крыши, от которых нет сил оторвать взгляд. И постоянное чувство волнения, будто прикасаешься к камням, которым более трёхсот лет.

Прямо в городе, между зданиями, кладбище с памятниками, которые ещё старше. Я постеснялась фотографировать могилы без разрешения, а спросить было не у кого. Кладбище было безлюдным. Я себе быстренько представила, как там, под моими замшевыми сапожками, лежат губернаторы, их жёны и всякие родственники, а души их уютно расположились на каменном заборе и рассматривают туристов. На цыпочках я пробралась к выходу и, махнув им рукой на прощанье, прихрамывая, пошла к знаменитому базару, где было весело, многолюдно и пахло едой. Живое — живым...

Ещё со времен рабства в Каролине негритянки плели корзины каким-то совершенно секретным способом — потрясающе красивые и такие плотные, что в них можно налить и сохранить воду. Плетут их и сегодня. Сейчас они стоят довольно дорого. Их почитают произведениями искусства, и самые сложные могут стоить более 300 долларов.

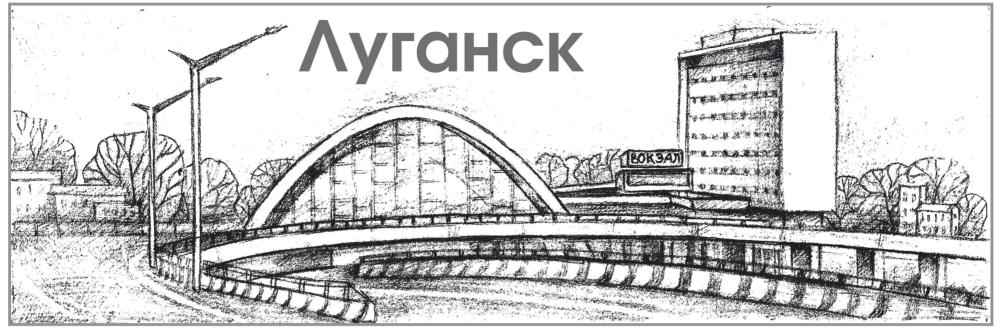
Гуляя по базару, я натолкнулась на русских матрёшек. Владелец, наверное, русский. Посидела на скамейке, к которой была прикреплена дощечка с именем Фореста Гампа.

Несмотря на то, что я больше интересовалась физическим состоянием лошали, чем слушала гила, всё же кое-что осталось в голове, но хорошенько перемещалось. Уже лёжа в постели и наслаждаясь тем, что эти чёртовы сапожки сброшены под кровать, я пыталась распутать клубок из гугенотов, французов, шведов, англичан. Но они упорно цеплялись друг за дружку и убегали от меня, прячась за лютеранские, протестантские церкви и синагоги. Католических церквей в Чарльстоне всего четыре – католики были здесь не в фаворе. И еще много всякого разного, очень исторического вперемешку с сегодняшним колоритом в образе разномастных туристов, имя которым Форесты Гампы, и Гансы, и Хавиеры, и Марины в сапожках, с их прекрасными любящими мужьями, которые подарили такой чудесный подарок ко дню рождения.

Во сне я кормила сеном лошадь Ваню и думала о том, что его пора подковать...

ра подковать... Марина БРОДСКАЯ

Некрасовский Марк.

Мечте не каждой сбыться суждено – Наш мир устроен так, а не иначе. Пусть вертится судьбы веретено, Держу я крепко нить своей удачи.

И если даже разорвётся нить, Свяжу узлом я все свои обиды. Чтоб не случилось, буду я ценить Жару Сахары, холод Антарктиды.

Всё я приму удары не кляня Лишь только знать, что любишь ты меня.

> Я рождён, наверно, в год Барана, Дате дня рожденья вопреки. Оттого я в жизни постоянно Набиваю шишки, синяки.

Оттого ищу всегда я стены, Чтобы лоб до крови расшибить; От того, забывши про измены, Я опять хочу тебя простить.

Монолог женщины на автоответчике

Отчего не брал ты трубку, Мне не разу не звонил, Неужели снова «юбку», Ты, мой милый, подцепил?

Я соперниц не терпела И сейчас не потерплю, Исцарапаю ей тело, Измочалю, заплюю.

Захотелось приключений? - Что ж получишь, дорогой, Проведу я так «леченье», Что уйдёшь ты на покой.

Никому не будешь нужен Полетят пустые дни... Кстати, я готовлю ужин. Всё. Целую. Загляни.

К вопросу о творческих разногласиях...

Я понял в полной мере, Что жизнь не пастораль. Я в Вашем интерьере Ненужная деталь.

Ведь я для Вас обуза, Помеха на пути. Осатанела Муза. Придётся ей уйти.

Моисей

С прошлым полная ясность. Всё узнал, что желал. Ощутил сопричастность К тем, кого презирал.

Нужен век, а не годы, Чтоб отсеять, кто слаб. Раб лишь жаждет свободы, А душою он раб.

Преклоняет колени, Любит тяжесть оков, И предаст без сомнений, И создаст сам богов.

Как исправить такого, Если сердцем он глух? Нужен меч, а не слово, Стаду нужен пастух.

Но пастух в рабстве том же С тем же чувством в груди. Обещал землю Боже, Но в неё не войти.

Возвращение блудного сына

Я скитаться устал и решил возвратиться, Но страны, что покинул, совсем не узнал. Изменилась она. Улетела, как птица, И кумирам иным возвели пьедестал.

Слава новым героям и новой морали – Я её никогда, ни за что не приму. Я участник картины

с названьем «Не ждали» – Сын вернулся домой, но не рады ему.

Агасфером уйду в никуда раствориться, Видно цель моей жизни исканий процесс. И опять под ногами запретов граница, И опять впереди мой нехоженый лес.

РОССИЯ

Я хочу сравнить Россию Не с берёзою весной, Я хочу сравнить Россию С корабельною сосной.

Не боится силы ветра И не гнётся от беды, Не отдаст врагам и метра Ни земли и ни воды.

Одинока, как мессия, Выше всех. Врагам назло. Отчего, моя Россия, В жизни так нам не везло?

Оттого у нас напасти, Что живём мы, как сосна: Сохнет низ - все соки власти, И на всём всесилье сна.

Геннадий Сусуев

Последний снег

Последний снег на первый не похож -Нет радости, и даже, удивленья На правду не похожа, вовсе, ложь -Сплошное испытание терпенья.

Последняя и первая любовь. Они совсем, ни капельки не схожи. Одна в глаза нам целится, не в бровь. Другая – просто женщина на ложе.

Но, первую, убейте, не вернуть. Не отыскать тот заповедный остров. Она металл, что называют ртуть. Не удержать, а отравиться - просто.

Казалось бы – и эта благодать! Как говорится, «нет плохой погоды». Но, извините, не умею лгать. И сочинять не научился оды.

А где же та? Она была и нет. Ту би? Нот би? Подброшу вверх монету. Такой вот зашекспиренный сюжет: Шуршит в кармане, а монеты нету.

Строитель

В. Боровицкому Я никому не раздавал поклоны И сам писал истории страницы. Того, кто строил стены Вавилона,

Да и тебе не избежать полона, Лишь погляди на улицы и лица. Ну, а другие тайны Вавилона Тебе откроют местные девицы.

Не удивляют прочие столицы.

Не говори про панораму, виды, Ты подойди и погляди с балкона. Вот там, вдали. - сады Семирамиды. Как будешь жить теперь, без Вавилона?

И не шуми. Спокойно, без обиды. Я знаю – ты служитель фараона... Да, видел, видел ваши пирамиды. Иначе б не построил Вавилона.

Крестоносец

Вот заглянул я давеча в таверну. Там рыцарь из крестового похода Всё хвастался: Как я косил неверных! Так сорняки ты косишь в огородах.

Как выжил,

говоришь, под чуждым небом? Ты прав, возможно, не было б меня, Но сарацин подал воды и хлеба. Его убил. И одолжил коня.

Светлана Тишкина Выпала...

Выпала -Из обоймы выпала, Из терзаний выпала В мягкую траву. Выбрала, Жизнь чужую выбрала: Мной теперь не выстрелят, Смерть не призовут...

Смелая, Только не у дела я, Что смогла, то сделала -Не найти в траве. Правильно, Поступила правильно, Убивать - не праведно! Что ж ты, ЧЕЛОВЕК?

Счастлива, Что сломалась — счастлива! Выпала из правила — Не пошла во зло! Вычеркнут, Из расчёта вычеркнут, Пули-дуры тихий бунт — Девять граммов в лом.

Фиолетовый вечер

Фиолетовый вечер Дразнит музыкой томно, Тёплой меди флюиды В дополнение фраз.

Саксофон разливает Старый шлягер не модный, И в его переборах

Неприкрытый соблазн.

Белоснежное платье, Загорелые плечи, Обжигающий кофе С ароматом надежд. Мотыльки фонарей,

Жар спонтанности встречи... Саксофон залатал Хладновременья брешь.

Внеземная любовь

На земном фиолете Обнимает и манит Чувством прежних ветров, И на грешной Земле, На старушке-планете

Вечер нам расстелил Встречу наших миров.

Припев:
Этот Блюз для двоих –
Шаг навстречу, в мечту удивлённо;
Этот Блюз для двоих
Счатьем бьется в виски учащённо;
Этот Блюз двух сердец.
Гаммой чувств в небе плачет луна.

Нежной страстью нас сводит с ума.

Этот Блюз двух сердец

Феликс Мамут Размышления у памятника Тарасу Шевченко

Как хорошо, что есть у нас Тарас. Я слышу гнев его правдивый. На бой он вызывает вас, тех, чьи уста неискренны, но лживы.

О, как он презирает вас, самодовольные фразеры! Потоки ваших лживых фраз опаснее чумного мора.

Он вызывает вас на бой, дежурных мыслей дубликаты, всегда довольных лишь собой, и никогда не виноватых!

Со дна исчезнувших времен он вызывает вас, двуликих, давивших слабых испокон. О, как противны ваши лики!

Он вызывает всех на бой, кто покрывает негодяев, творит в своей стране разбой в угоду собственных хозяев.

Он вызывает вас на бой в интригах струганых и тертых, кто в СМИ галдит, наперебой виня во всем ушедших - мертвых.

6 июня 1799 г. Рождение Гения.

Москва золотоглавая плыла В потоке колокольных перезвонов И на хорах мелодию вела Среди молитв и праздничных поклонов.

Под окнами лиловую сирень Ультрамарином дождик перекрасил. Родился Саша Пушкин в этот день, И ласточки метались по террасам.

И солнце в год тот грело как всегда. Струилось лето полосами света, Но мир, увы, не знал еще тогда. Что встретил день Великого Поэта.

А сад дышал испариной в дыму, Он изнемог, он был дождем заласкан, И усмехался радостно Ему Шиповником, заколотым за лацкан.

Гудел пирами лихо Питер-град, В восторге от салютов цепенея, Не знал еще надменный Летний сад, Что будет тут бродить Он по аллеям.

Что, удивляя мир своим пером, Он будет первым среди них - живущих, Стихом одарит, светел и весом, Раскроет горизонты в день грядущий.

А в слободе Немецкой, где сирень, Всевышнего сияньем дом расцвечен. В нем и родился Пушкин в этот день, Звездою гениальности отмечен.

Яков Вакс

Удар судьбы, нас сбило, разбросало, Стою один, вонзая в небо взгляд. И вновь бреду, бреду куда попало, Я за бугром, я братья - эмигрант. Здесь чуждо все, здесь небо цвета стали Душа вопит как скрипка без струны. Вы так нужны, о если бы вы знали, Мои девчонки, наши пацаны. Хочу кричать,

рвануться сердцем - птицей, На срыве струн застыть на вираже. Но нам увы, уже не возвратиться Нас ждёт клеймо в три вздрога П.М.Ж. Ожог, удар, прощанье безвозвратно И мы бредём в разлуке и тоске, Зажав сердца, твердить на непонятном, На чуждом нам до дрожи языке. Не ты, не ты, земля моя родная, Нам чужд Нью-Йорк,

Париж и Амстердам. Мы каждый день всей сутью постигаем, Что сытость тут, а счастье было там. Ну вот и все. И я для всех чужой... Я понял друг, что родина как мама. А мать одна и нет у нас другой, Да, жизнь без родины пустая, Как хлебница без хлеба, Как храм без жертвы и Христа И мир без звезд и неба.

Бей жидов и опять эти рожи. И опять я всем сердцем молю, Так за что же ответь мне, о Боже, Я ж как сын, эту землю люблю. Черной сотни проклятье и гадость И твержу, я, всем сердцем скорбя: Над тобою они издевались, И терзали, Россия, тебя! Я прожить без тебя не сумею. И смогу лишь всем сердцем вскричать: Полюби меня, Русь, как еврея И как русского, крепко, как мать!

Я рванусь, упаду на колени, Нет не плотью, всем сердцем рванусь, Слышишь, брат мой, Серега Есенин, К той березе с названием Русь.

Припаду, причащусь, просветлею, Истерзаю себя и листы. Пусть рожден я, Серега, евреем, Но душой россиянин как ты.

Нет ни жгуче её, нет светлее, К черту блеск экзотических стран. Я отдам тебе сердце, Россия, Как отдал Исаак Левитан.

Русь моя, ты мой храм и берлога, Не расстанусь с тобой, хоть убей! Вот такая судьба и дорога, Россиянин я, брат и еврей.

Юрий Каменский

Музыка

Откуда-то, наверное, с небес, Полна щемящей нежности и мужества, В наш мир приходит чудо из чудес -Нас за сердце хватающая музыка. Она приходит в мир наш непростой Не нотными стреноженная знаками, Но в горних высях скошенной звездой, Но щедрыми некошенными злаками. Она приходит шелестом осин, И дождика значения окрестного, И сталью нержавеющих седин Солдата, и доныне неизвестного. Она приходит то как трубный глас, А то - как голос девочки застенчивой. А час придёт - для каждого из нас Взойдёт улыбкой

самой лучшей женщины. Неисчислимых жгучих тайн полна, Возвышенная светлыми печалями, Дарованная Господом, она Приходит к нам,

чтоб вдруг не одичали мы.

Вхождение в поэзию

Я жил, как все мальчишки, на виду У жесткой улицы послевоенной. Но как-то об упавшую звезду Споткнулся я, и посреди Вселенной Упал в густые травы, и росой Ошпарила лицо мне медуница. Готовая с отточенной косой В единоборстве яростном схватиться. Потом сидел я, обратив лицо К прижавшимся

к печной трубе Стожарам, И брал меня в надёжное кольцо Наш дом, пропахший

мировым пожаром. Я видел лица женщин и мужчин -Таких прекрасных лиц

уж нет меж нами: Солдатских - в серых молниях морщин И вдовьих - с тёмной ночью под глазами. И набухала жилка на виске, И, ожидая новый день за хатой, Прощался с детством я. И, как в пике, В поэзию входил мой конь крылатый.

Маме

Помню, на закате дня, Когда с грустью нету сладу, На скамейке у плетня Мы сидели с мамой рядом. Свет забрезжившей звезды Заплутал в её сединах... Было столько доброты В горьких маминых морщинах! В стане гибком, словно злак, В нежности улыбки тихой И в глазах огромных, так И не выплакавших лиха. В сердце, полном до краёв Светом ласковым, не лживым, И в молчании её, До чего ж красноречивом... Я давно уже не прост, Жизнью битый, ох, не мало. Понял я, что с неба звёзд Моя мама не хватала. Но, наверно, неспроста Так жила она - без злобы, Коль я понял: доброта -Это мудрость высшей пробы.

Юрий Ващенко

Не поются что - то песни -Ни чужие, ни свои, У окна сидим мы вместе С одиночеством моим.

Плачут дождевые тучи, Всё никак не уходя, Тихо омывают душу Капли летнего дождя.

Все казалось бы - рутина, На стене поет сверчок. Только с боку паутину Тихо тянет паучок.

Так и я на этом свете, Понимаю в этот миг: Кто - то тянет свои сети -Я пою не видя их.

А сверчок поет, послушай. Все печальней, все сильней. Мы с ним родственные души В безысходности своей.

Он избавлен от вопросов. Он лает ответы мне. Этот маленький философ, Мне поющий на стене.

Он поет, что жить нам стоит, Несмотря на свой удел -Получить, чего достоин, А не то, чего хотел.

Прав ты будешь, виноват ли – Всё уйдет чуть погодя. Как бальзам на душу капли, Капли летнего дождя...

Философизмы

Сжав душу в кулаке и зубы стиснув. По сторонам с надеждою гляжу. Я на земле ищу следы разумной жизни, И очень счастлив, если нахожу.

О вечных истинах болтая без умолку, Во всем ты ищешь совпаденья и приметы. Кем в прошлой жизни был гадаешь, а что толку? -

Меняются эпохи, дни летят. И что вокруг мы видим повсеместно?

Верхи не могут (да и не хотят), Ну а низам всё пофиг, если честно.

Пойми хотя бы, кто ты в этой!

Он идет к великой цели, Видя цель в своем прицеле.

Pekbuem State Of the second o

Коза Ностра и Парфен Судомойкин

Парфен Судомойкин коленом отодвинул задвижку на калитке и протиснулся в нее. В руках он держал старый брезентовый плащ с капюшоном, который приспособил вместо мешка, туго набив его травой и свернув в узел. Высыпав половину травы в старую цинковую ванночку, вторую отправил в большой полиэтиленовый мешок и положил на дрова, повыше.

Из свой будки вылез пес Валдай, сладко потянулся и подошел к хозяину.

-Ну, охранник, - спросил Парфен, - как у нас дела?

-Гаф! - коротко ответил Валдай

-Молодец! Благодарю за службу! - по-хвалил пса Парфен. - Погоди, маляхо с делами управлюсь и тебя покормлю.

Парфен направился к сараюшке, где за дверью уже нетерпеливо постукивала копытцами коза, отпер замок и выпустил ее на волю. Коза легонько боднула Парфена в колени.

-Знаю, знаю, Нострушка! Ну, виноват, прости. Ходил деньги зарабатывал, вот и пришлось тебе целый день взаперти...Иди, Нострушка, поешь!

Издав «мекеке», коза подбежала к ванночке и стала, звучно хрупая, есть траву.

Парфен отпер дом, снял с плеча сумку с продуктами, сбросил пиджак, взял чистую кастрюльку и вышел во двор. Он взял ведро со степлившейся на солнце водой, вымыл козе вымя и привычно подоил ее.

-Ай, молодец, Нострушка, ай, молодец! - похвалил он козу, увидев, что молока чуть не полная кастрюлька

Коза подняла голову и, не переставая жевать, поглядела на Парфена. Изо рта у нее торчали стебли травы и казалось, что у Ностры выросли зеленые усы.

Парфен отнес молоко в дом, и процедив через чистую тряпицу, перелил молоко в кувшин. Кувшин поставил в подпол.

Из сумки он извлек пакет пшена, пачку сахара, коробочку чая, буханку черного хлеба и за-

вернутую в пакет кость с остатками мяса Выйдя на крыльцо он позвал Валдая и протянул ему кость.

Пес аккуратно взял кость зубами, затрусил к свой конуре, скрылся в ней, повозился немного и вылез наружу. Уже без кости в зубах. Увидев, что хозяин присел на крыльце, пес неторопливо подошел и лег около ступенек

-Ну, ты и жук! - сказал Парфен. - Про запас значит спрятал. А сам и не голодный вовсе. Это кто ж тебя потчевал сегодня, жулик ты хвостатый, а?

-Гаф! - прозвучал ответ. То есть, не твое,

мол, дело! Хозяином собаки был Парфен, но в селе Валдай был единственным псом, а потому добровольно взял на себя обязанности по охране всей деревни. Впрочем, деревней ее можно было назвать с большой натяжкой. Всего семь дворов с хозяевами, остальные стояли заколоченными, либо совсем уж развалились. Да и все население - шесть старушек, да он, Парфен Судомойкин.

Отсыпаться Валдай всегда приходил в свою конуру во дворе у Парфена, а ночью бегал по деревне и охранял ее, за что старушки его подкармливали чем могли.

Собакой Парфен обзавелся после того, как ночью у него увели козу. Взломали замок и увели. Это была другая коза, еще до Ностры.

Впрочем, когда-то Ностру звали Машкой, а свое новое имя она получила вот каким образом. Парфен тогда возился во дворе, обтесывал жердину для забора, когда услышал, что около

его ворот остановилась машина. Машины через деревню проезжали редко. Не то что раньше, когда еще колхоз был. А не стало колхоза, редко ездили машины и от

животноводческой фермы, что была на краю деревни,одни стены остались. Парфен машине удивился и к воротам подошел. Около старенького «Жигуленка» стоял

мужчина, лет под сорок и энергично разминался, приседая и разводя руки в стороны -Здравствуйте, отец! - поздоровался мужчина. - Ох, место у вас тут красивое! Сказка просто!

-А что, - подумал про себя Парфен и вышел из калитки. - Возрастом аккурат в сына моего!

Вслух сказал: - Место, сынок, действительно, красивое! Куда путь держишь?

 -А и сам не знаю! - засмеялся приезжий. - У вас в деревне на постой можно у кого остановиться? На все лето. Я заплачу!

-Остановиться можно. Хочешь, у меня останавливайся? Или ты, сынок, старушек больше уважаешь? В деревне одни старушки!

-Э-э, нет! Со старушками скучно! А рыбалка как у вас тут?

Прямо перед домом Парфена лежала дорога, а за ней, за небольшим лужком - озерцо, окруженное с трех сторон деревьями.

-А что ж! Посидеть с удочкой можно! Рыб-

-Остаюсь! - решительно сказал мужчина. -

Принимай на постой. -Только с кормежкой худовато! Известно,

какая еда в деревне? -Батя! Ты живой? Значит и я выживу!

Вот так он и познакомился с Володей, Володькой. Володя рассказал, что он писатель и специально удрал в глушь - книгу писать. И отдо-хнуть на природе заодно. В еде он неприхотлив, а спать может и на сеновале, если есть такой. Одним словом, познакомились. Очень Володька Парфену понравился. Умный, да складный.

И тут вдруг распахнулась калитка и на улицу вышла коза Машка, бродившая до того по двору. -О! Явление третье! Те же и коза! - засме-

ялся Володька. Машка наклонила голову и бросилась вперед, норовя попасть Володьке ниже живота.

Гэп! - сказал Володька, поймал козу за рога и, напрягши мускулы, удержал ее на месте.

Такой потехи Парфен давно не видывал. Володька и коза стояли на месте и давили друг на друга, как японские борцы, которых Парфен однажды по телевизору видел.

Машка вела бой честно, головой не вздергивала, а только перла вперед. Сила у нее была не маленькая, ла и упрямство помогало.

-Как зовут - то ее? - пропыхтел Володька. -Машка! - ответил Парфен. -Какая к черту Машка!? Это не Машка, а

Коза Ностра какая-то! Они несколько минут топтались на месте, пока Володька не отпустил руки и не вильнул всем телом в сторону. Машка, по инерции, про-

летела мимо и остановилась. Э-э-э! Брэк! - сказал Володя, видя, что Машка готовится к новой атаке.

Странно, но Машка его послушалась. -Ну, иди сюда! Давай знакомиться и дру-

жить, коза Ностра!

Вот так и началось. Володька звал ее только Нострой, А потом и Парфен машинально перенял. Так Машку и перекрестили. Удивительное было в том, что Ностра привязалась к Володьке, как собачонка за ним бегала.

Возьмет, бывало Володька диковинную машинку, ноутбук под названием, пойдет к озерцу, сядет и печатает. А Ностра за ним следом, вкруг Володьки траву щиплет.

Парфен удивлялся на своего постояльца. Целый день сидит и печатает, печатает, печатает. Иногда отодвигает все в сторону, уходит на луг, ложится на спину и лежит неподвижно. Возвращается обратно, смурной, как туча дождевая. Сядет, выругается. Опять печатает.

Иногда сам с собой разговаривает. Читает что напечатал, а сам бормочет: - Не то все это, не то, черт меня побери!

И по голове себя стучит: - Думай, голова! Шапку куплю!

А иногда вдруг довольный и ест с аппетитом. Говорит, получилось, мол.

Но чаще про еду забывает, только отмахи-

вается: - Потом! Потом! И курит одну за одной нещадно. Чтоб в доме не дымить, уходил он во двор, под навес, ставил машинку свою на колоду, где дрова рубят, и опять печатал. А про рыбалку и не вспомнил

ни разу. Только осунулся весь, похудел Взяла Парфена тревога - помрет ведь так мужик! Он уже раскусил, что машинку эту ползаряжать нужно. Дождался, когда у ней заряд кончился и электричество тайком выключил. Сказал, что такое часто бывает. Думал на рыбалку теперь Володьку сманит. Надо же ему отдохнуть. А тот бумагу достал и ручкой писать стал.

Парфен только выругался про себя Только перед сном, на часок позволял Володька себе отдых. Садились они с Парфеном на крыльце, закуривали и начинали разговоры вести. Приходили Ностра с Валдаем и рядом с крыльцом устраивались.

-О чем же книга твоя будет? - спросил Парфен однажды.

-О человеке, батя! О душе человеческой! О совести и предательстве, о смелости и трусости, о жизни и смерти. Я, батя, три года к этой книге шел. Писал всякую гадость на потребу публике, чтобы денег заработать и спокойно писать книгу эту. Только туго идет, батя. Растерял я себя на дешевках этих, размельчился..

-A оно надо кому? Читать-то кто будет? Ты меня, Володька, прости! Я так разумею: народ равнодушный стал. Друг на дружку наплевать. А ты им хочешь о совести...Надо им это?

Володька внимательно посмотрел на Парфена. -И не милорда глупого, Белинского и Герцена с базара понесет... - сказал он непонятно

-Знаешь, батя! Это нужно мне, в первую очередь! Один поэт знаменитый сказал: «Если к правде святой, мир дорогу найти не сумеет, счастлив тот, кто сумеет навеять человечеству сон золотой!» А я хочу, батя, чтобы не спали люди, проснулись! И это мне нужно. И тебе! И всем! Даже тем, кто этого не понимает. Потому и пишу. Потому что молчать не могу. Я должен заставить их понять!!! Должен.

Странные это были разговоры. Тревожили они Парфена, что-то непривычное в груди рождалось. Мысли возникали всякие.
-Мне, Володька, может по малограмот-

ности своей и спорить с тобой не пристало. А только я так разумею, сперва надо народ накормить. Ты оглянись вокруг. Ведь людей до нищих опустили. Это жизнь? Ты ему про совесть, про честь, а он есть хочет. И хорошо бы булку с маслом. А когда половина России впроголодь живет, о какой совести говорить...Что-то не складывается, Володенька!

-Верно, батя, верно. Только чтобы эту булку с маслом добыть, чтоб была она у всех, сознание определенное у людей должно быть. Человека изменять надо. Человека!

Чтоб каждый не тянул одеяло на себя, не старался урвать для себя только, должен он понимать, что все мы ЛЮДИ, независимо от того, кто в какой семье родился. И каждый имеет право на жизнь достойную человека, а не скотины. Хотя и скотина достойна лучшей участи.

Володя улыбнулся: - Вон, погляди, Ностра нас слушает, Валдай. Они что не достойны жизни лучіпей?

-Не поймут тебя люди, Володенька, не поймут! -Может и не поймут, батя! Все может быть! Многие так и остались непонятыми. И знали. что останутся непонятыми. А делали свое дело.

Парфен никогда не спрашивал Володьку о его жизни. И о себе не рассказывал. Только иногда Володька проговаривался нечаянно. Из оговорок этих понял Парфен - нет у Володьки никого, детдомовский он. Фамилия его была Майский Такие фамилии часто детдомовские носят. И видно хлебнул горюшка Володька Как и сам Парфен.

Были у него и сын и дочь. Были. ГОРОД их сожрал. Оттого ненавидел Парфен ГОРОД.

Исчезли дети, как камень в воду упавший. И кругов на воде не осталось. А жена его, Марьянушка, умерла. Сходили они как-то с Володькой на могилку, посидели около, помянули покойнииу Всю ночь потом не спал Парфен все ворочался. Жизнь свою бессмысленную вспоминал. Прожил он свои года, как червяк земляной. Тоска сердцу подступала. Жил для того, чтобы жить Без всякой цели. Оттого и будоражили его разговоры с Володькой, одержимым своей книгой.

А Володька плохел на глазах. Таял, как свеча восковая. С утра бросался в свою работу.

Забывал обо всем. Даже на крыльце меньше сидеть стал. Спал урывками. Даже ночами писал. Так и шагали дни за днями. Уж осенние ли-

стья полетели. Однажды утром вышел Володька к завтраку, что давно уже не случалось. Лицо спокойное,

отрешенное какое-то, как на иконе. -Уеду завтра, батя! Закончил я книгу свою.

-Так что ж ты не радуешься? Конец - делу венец. -А не радуюсь оттого, что плохо написал.

Все надо начинать с начала. По новой. С нуля! -Вот те раз! - ахнул Парфен. - Да зачем нужна такая казнь египетская? Много ли денег за это получишь?

-Много, батя, много! Еще и доплачивать придется самому. Кто ж возьмется за бесплатно это печатать? Еще деньги надо искать, чтобы издать книгу. Да что там говорить?! Книги-то нету!

Уехал Володька. Потерялся смысл жизни у Парфена. Как во сне жил. С хозяйством немудреным управлялся. И ждал. Володькиного приезда ждал. Иногда приезжал он на денек, отдохнуть. Только ничего о своей книге не говорил. Приезжал и спал. Встанет, поест и опять спать. А сам, только кожа да кости остались.

Парфен смотрел на Володьку и однажды понял, что нет у него никого роднее.

Да и Володька, видно, прикипел к Парфену Присылал ему письма изредка. Но про книгу - молчок. Обещался, следующим летом приехать. Вот уж половина лета прошла, а не ехал Володька. И письма перестали приходить. Парфен извелся совсем в ожидании.

От разговоров с Володькой осталась привычка вечером сидеть на крыльце. Вот и сейчас, притомившись, сидел он и слушал тишину - не заурчит ли мотор машины? Может, приедет Володька

Сегодня с утра Парфен уехал с Саньком из соседней деревни на приработок. Наняли их около трассы автомобильной траншейку прокопать кабель прокладывать.

Отвели каждому участок с половину километра длиной, лопату в руки и давай! Шириной на штык лопаты, да глубиной на два штыка.

Получил за эту работу Парфен пятьсот рублей. Продукты купил, курева. А то от самосада уже задыхаться стал. Покормили работяг на полевом стане у строителей-дорожников. Там же выпросил Парфен и кость для Валдая.

И вот теперь сидел и разговаривал с Нострой. -Опять не приехал Володька, Нострушка! Ой как скучаю по нему. Ты, небось тоже скучаешь, а? -Мекеке! - согласилась коза.

-А ты, Валдаюшка?

-Гаф! Гаф! - выразил свое отношение Валдай. Посидели, помолчали. Уже совсем темно стало. -Ну, что, на покой пора? Пойдем, Нострушка!

Коза встала и пошла за Парфеном. Он закрыл ее в сарайчике, навесил замок и пошел к дому. Валдая уже не было. Видно, на службу от-

Парфен улегся и заснул тут же, с устатку.

Крепко спал, без сновидений. Проснулся внезапно. На улице что-то происходило. Валдай не лаял, визжал радостно. Ностра била рогами в дверь, как в барабан.

Парфен, в чем был, выскочил во двор и сразу попал в объятья Волольки.

-Володенька, сынок! Что ж ты не приезжал так долго? - всплакнул Парфен.

-Батя, родной! Ну, что ты...что ты! Вот он я, живой и невредимый! Они стояли во дворе, обнимались, смотре-ли друг на друга, пока не услышали, что двери

сарайчика уже трещат. Пришлось выпускать Ностру на волю. Она подбежала к Володьке и, как кошка, стала те-

реться об его ноги. -Ностра! Нострушка! Соскучилась, милая!

· смеялся Володька. Наконец угомонились. Отправили Ностру на место. Валдай опять исчез, осознав, что здесь

все в порядке, а Парфен с Володькой вошли в дом. -Батя, прости! Никаких разговоров, никаких ужинов, только спать. Еле стою, батя! Вот если только кружку молока, а?

Пока Парфен доставал молоко, Володя раскрыл сумку, вынул что-то и протянул Парфену. Это тебе, батя! Подарок!

Позже, когда Володька заснул, Парфен осторожно развернул сверток. Это была книга. На обложке значилось «Честь и совесть». А автор... Парфен не поверил глазам. Автор Владимир Судомойкин.

Парфен открыл книгу и на первой странице прочитал: «Дорогому отцу, Парфену Судомойкину, посвящаю».

Геннадий ЛАГУТИН

Памяти жертв в метро 6.2.2004 и 29 марта 2010

Он стоял, видимо, совсем близко к взрыву. Нет, никакого предчувствия не было, раздался свист - а потом он увидел всё как бы со стороны. Когда он увидел себя (а почему-то ему было известно, чьи это останки), то понял. Он ничему не удивился, но в момент узнавания себя почувствовал необыкновенное одиночество и грусть, и тщету каких-либо попыток. Как бывает во сне, когда надо закричать, а не в силах.

Он увидел остальных людей и как будто узнал их - всех, хотя не мог их знать или рассмотреть всех в вагоне. Они были такие же неприкаянные, как он. Это было стадо божьих агнцев, но не было пастуха. Было только одиночество

Он попробовал перемещаться, и это у него получилось без напряжения. Одним усилием мысли он облетал свой вагон и вглядывался в картину после взрыва, желая рассмотреть её всю как можно подробнее. А потом ему почему-то сделалось безразлично, и он, не оборачиваясь, взлетел быстро вверх и в сторону от тоннеля, как бы сквозь толщу арматуры, бетона, земли. Движение ускорялось, и он подумал, что где-то читал об этом, и всё ждал, когда перед глазами пройдет вся его жизнь и зажжётся свет, пока в какой-то момент не оказалось, что всё это уже было - и его жизнь перед глазами, и тоннель со светом.

И это последнее, перед окончательным мраком, что он понял: всё уже было.

Марина ПАВЛОВА

Вячеслав Омский г.Омск

Ноктюрн

Ночной эфир таинственно и нежно, Скатился вниз, прохладою дыша, Накрыл волной тревожной и безбрежной,

Какое счастье думать не спеша!

И мысль пошла, и горлинкой запела, Построив чудный музыкальный ряд, Среди своих торжественно и смедо Слова теснятся словно на парад.

Как дар небес в строку упасть готово: «Люблю тебя, ты только позови...» И поздний вечер мне напомнит снова Волшебную мелодию любви!

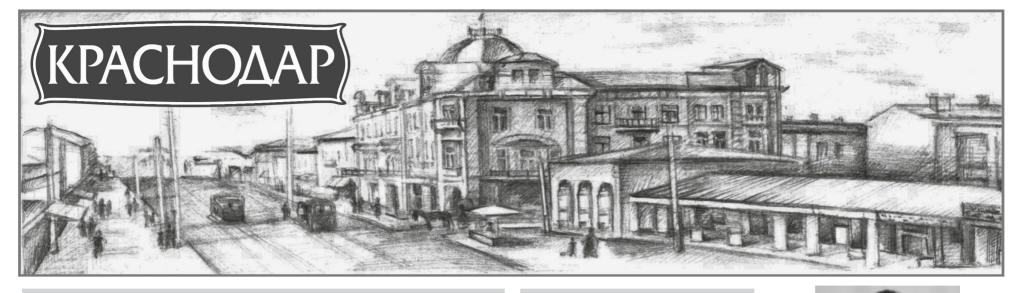
Облака

Вы холодны и горделивы, Я,вам,признаться, сердцем рад, Вы помрачительно красивы В среде своих небесных стад.

Вы с равнодушным постоянством, Свои меняете черты. Несёт над бездной и пространством Вас демон вечной красоты.

Вам непонятна боль земная, Судьбы уколы вам не впрок, Не брали вы уроки рая, Любовь и счастье невломёк.

Вас, покоряющих все дали, Воздушных, томных, наконец, Для созерцанья и печали, Наверно, выдумал Творец!...

Татьяна Шкодина

Родилась в городе Приморско-Ахтарске, живёт в Краснодаре. Окончила художественнографический факультет Кубанского государственного университета. Работает в жанре лирики, реже - иронической поэзии. Иногда пишет прозу. Стихи и проза публиковались в газетах «Кубанский курьер», «Молодая Кубань»,»Комсомолец Кубани», «Краснодарские известия» и других региональных изданиях, в газете «Очарованный странник»города Ярославля, альманахе «День и ночь», «Краснодар литературный», а также в коллективных сборниках общественной организации «Молодые писатели

Кубани»: «Голоса надежды», «Литературный остров», »Благослови», в сборнике «Университетский балл», изданном Кубанским государственным университетом и сборнике»Очарованные словом» Творческой лиги Кубани. Есть маленький сборник стихов «В предчувствии дождя» (1996г.) Увлекается авторской песней. Есть несколько песен на ее стихи (музыка Шкодина Евгения)

Что общего у меня с травой? -Я пытаюсь дышать сквозь асфальт, А иначе, увы, не пробиться В этих каменных джунглях весной.

Что общего с воробьем? -Прыгаю в поисках корма Так суетливо, что где уж там В небе парить орлом.

С дождем чем похожи мы? Я просто хочу пролиться Стихами в сердца и лица, Как ливень среди зимы.

Ветер, мы так близки... -Я тоже скиталец бездомный, И, знаешь, в аллеях темных Не спрятаться от тоски, -Так тесно. А там, где воля, Простор, - там пески, пески... И время течет сквозь пальцы, И я обращаюсь пеплом, И счастья так мало в мире, Что люди, как хищники в стае, жадно и исступленно Рвут его на куски.

Белая нежность - кружение снега. Просто - другое воды воплощенье? С неба на землю - попытка побега. Белым по черному

- способ прощенья.

Все, что казалось убогим и грешным, Вызовет в сердце щемящее чувство. Снег живописцем творит неизвестным -

Белым по черному тоже искусство.

Тает душа, как в ладони снежинка. Верит, надеется, любит - покуда Пишет о главном ее половинка Белым по черному - нежное чудо...

Белая нежность - кружение снега. Просто - другое воды воплошенье? С неба на землю - попытка побега. Белым по черному -

способ прощенья.

Все, что казалось убогим

и грешным, Вызовет в сердце

щемящее чувство. Снег живописцем творит

неизвестным -Белым по черному -

тоже искусство.

Тает душа, как в ладони снежинка. Верит, надеется, любит - покуда Пишет о главном ее половинка Белым по черному - нежное чудо...

Любовь, как пьяная невеста, Перевернет всю жизнь вверх дном. И ни ко времени, ни к месту Под крики "горько!" строит дом.

И пусть придуман он на славу, Прочнее - замок из песка. Нам нет в нем места. Боже правый... К чему тебе моя тоска?

К чему томительные встречи И ритуал фальшивых фраз? Вранье, что время души лечит -Все та же боль в колодцах глаз.

В зрачках все то же пониманье Неотвратимости потерь. ...И ты оставишь без вниманья Мою открывшуюся дверь...

А может, просто не поверишь И даже в этом будешь прав. Как жизнь на части не разделишь, Так не полюбишь, не солгав.

..Я вру себе, что пламень чувства Сумею обратить в слова, Но крови требует искусство -И в книге новая глава

Начнется с бурного сюжета, Где он, она, и все всерьез. Почти "Ромео и Джульетта", Любовь, нелепая до слез...

Александр САПРУНОВ

Родился в 1973 году в станице Новопокровской Краснодарского края, публиковался в газете «Великолукская правда - новости», в коллективном сборнике стихов «Из варяг в греки». Учится в Литературном институте им. А. М. Горького. Проживает в г. Пскове.

Неплавно покачивая бёдрами, Впитавшая красоту кривичей, Шагами обострённо бодрыми, Со статью обнажёно девичьей.

Раздумья её словно крики, Движения – знаки нотные, Читает по глазам книги И буквы между строк водные.

Бежит, устремлена, чистая. Горным ручьём в реку. Торопится успеть, быстрая, В центральную библиотеку.

Таинство тишины, спрятано и забыто. Музыка, как песок,

сыплется через сито. Будешь играть в игру,

время в куски изрезав, Не торопись в песок

органов и протезов.

Там в глубине, в куче, грохотом транспортёров,

Время тебя научит, яростным быть и матёрым.

В ослеплённом месиве – нагромождённых чувств Вместо слов пророков

лепет кликуш. За границей смысла,

растрёпанной каруселью, Отдаваться смеху,

предаваться зелью.

Спохватившись, о порядке вспоминать -

Некому берёзу лелеять, некому берёзу ломать.

Причудливо оплавилась свеча, Твоим живым застыла изваяньем – Огонь внизу, а ты, своим сияньем Покатом плеч, груди, точёных рук,

Каскадом локонов,

в плаще и пеньюаре Стоишь вверху. Огонь у ног твоих. Он лижет платье, волосы тревожит, Старается слизать тебя – не может.

Сужается до лужи на подсвечнике. Вот капля в волосах, сползла на грудь, По жёлобу живот преодолев, Широких бёдер внешней стороны

Коснулась, и легла – у ног твоих. Огонь, мелькая

золотыми языками, исчез. Дымком еле заметным,

его душа ушла. Твой облик без него окаменел.

Андрей Насонов

* * *

Арбузная мякоть зари. Ночь уходит, обнажая залив тихой жизни, среди всего, что на стол годится, кораллы деревьев, кустов,

ночные делишки ежа, писк торопливой мыши, холмики, где кроты лежат, грунтовой двухколейные лыжи.

И начнётся птичьих компаний тусовка: перелёт, переброс, толкотня; проползёт панцирный краб комбайн – печальный рыцарь поселкового дня.

И рванётся по неуложенной плитке котяра на грядки, где перцы-носы, где обсыпали травы улитки – известковые памятники росы.

Дождик медленный, капающий в такт прогулке, каждой капля прикладывает аккуратный, холодный и жгучий пятак,

и глазом скользящим за ворот, заглядывает, прячется в черепичных кронах, летит в траву. Истекает коряга слизнями и улитками,

чьи жидкие лужицы из земляного рагу, выпускают глазастые стебли да липкие

сланцевые пути из улиток в слитки росы. Пузырятся лужи, земля пузырится, выпуская Тутанхамон гриба

из гробницы грибницы. Гриб ему гроб. И об этом свитки

листов раскручивают ростки,

покрывая всех. И меня вместе с каплей

скатившейся, как бобслей, туда, куда с головой ушёл дождевой посев.

Мгновенье и – на луже

затягивается след,

как рана. Червяк

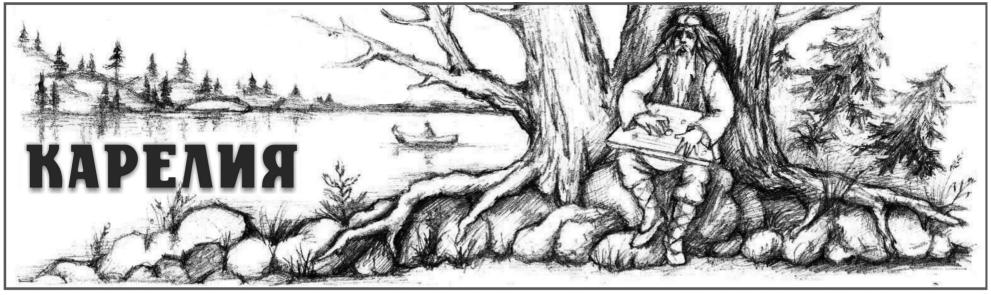
растягивает сантиметр тела, измеряя на асфальте

детский рисунок мелом, недоволен. Но дождь не спешит,

шлёпая глубоко и гулко, затягивая и без того

затянувшуюся прогулку.

Роланд Гусев

г.Петрозаводск

Луч заката - в седле. Блещет месяца стремя. Синий в яблоках конь Ржёт, прохладу почуяв. Но, как в кронах деревьев Запуталось время, Так и я заплутал Меж твоих поцелуев.

Снежный вальс возвращения.

Ветром скошенный падает снег. След морозного скальпеля ал. Я задумал побег, Чтоб покинуть навек Твой, Зима, хирургический зал,

И, опутан бинтами снегов — Хоть пиши «Положенье во гроб», - Силюсь скинуть покров. Снегири, словно кровь, Окропляют пуховый сугроб.

Этот снег вездесущ, как обман. Не преграда ему потолок. «Был твой дом - океан, а сюда ты не зван. Сбился с курса, видать, морячок?»

«Я три лета провёл под мотив колыбельных нейтральной воды, но сквозь речитатив слышал стук спелых слив: «опадали в России сады».

«Хлопочи иль молчи - не вернуть, - шепчет в уши простушка-судьба. - Сквозь морозную муть скучен долгий твой путь от столба и опять до столба».

Травы в снегу стоят - Миниатюрными соснами, Первый мороз за пальцы берёт Беззубыми дёснами, Ветры старую арфу забыли В пустом хлеву, Я поднимаюсь на холм - Я здесь живу.

Стаям пустых надежд Я не машу рукой - Я оставил их. Стены дворцов моих, Что изо льда сложил, Все растаяли. Пусть неказист мой дом - С новым весельем в нём Новых вёсен ждём. Пляску теней в ночи, Холод большой зимы Переживём.

Вешних красок половодье Нас позвало в эту рощу. Воздадим же долг свободе, Станем радостней и проще.

По конторам пыль и споры, Дым - на лестницах служебных. Серых дней пробьём заторы И очутимся в волшебных.

Липкий лепет откровений Разлепившихся листочков Нас лишил различья мнений, В мысли вставил многоточья.

Тайным жестом превращенья Оперившиеся ветки Нас в свои манили тени И смеялись, как кокетки.

Растревоженные травы, Распахнувшиеся листья, Вероятно, для забавы К нам протягивали кисти.

Эти странные растенья Нас не ведали, не знали, Но внезапно без смущенья Наши ноги обнимали.

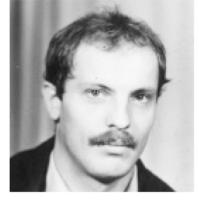
Мы грубы и толстокожи, Травы ж - только народились. Ну не странно ли, что всё же Мы друг другу пригодились?!

Вдруг пролетевшей птицы тень Перечеркнёт усталый день. Я лягу, и приснится лес, Как будто снова я воскрес, Лечу над ним большой совой, А лес кончается Невой, И снова я - как наяву - Бросаю камешки в Неву.

Лёгкий ветер вечером нежно травы качает...

Спать заставляет раньше себя ложиться, но травам не спится в этой тиши под небом, пахнущим хлебом синих равнин поднебесья.

Это не песня.
Это в груди холма розовой флейты звук раздаётся.
Солнце смеётся, за горизонт опускаясь: «Я не прощаюсь!»

Сергей Пашков г.Костомукша

Катрены на все времена (отрывки из стихов)

1

И, облекаяся в творенья, Мы в мир приходим внять мольбам И мы даем вам изреченья, Чтоб мудрым вняли языкам.

Вы придавайтесь чистоте И избегайте сквернословья.

В себе откройтесь в простоте Пророком станьте, не злословья.

И в ненавидимое веря, Они получат по плодам. Твое ж в невидимое зрея Свет проливает по долям.

И пусть смеются все над правдой, А ты реви, от ихней лжи, Но выйдешь ты с большой наградой – Им не нужно добро - бери!

Уча других благому делу, Благое делай, мир твори! А беззаконников к ответу, В любой ты форме привлеки.

о И снизойдет в пророчный час Пророчный Дух от мира Вышних Преобразишься в тот же час, И станешь ты служить Всевышним.

Оставьте гиблое влеченье – Вы можете же в нём пропасть. А эта пропасть – мир забвенья, Там дикая царит напасть. Там нет пощады никому, Никто не светит ясным взором. Там предаются одному, Что в Свете прозвано - позором.

Добро не делая, что ждете? Как отличить добро от зла? Так в заблужденьях и живете, Где ж вам увидеть чудеса.

Прошу тебя, ты будь во мне, А я в тебе, Единым будем. Открой прекрасное в себе, А скверное, пусть нас забудет.

10 Вступив со скверной в смертный бой, В мученьях были эти схватки. Рождался новый в нем герой, И в нем прекрасные задатки.]

Есть сила слов: подай! – и вот уж падают Себе сказал сходить туда -

сюда, и тело ходит Когда тебе скверные источники дают. Святую силу порой ты не находишь. Ты отвращаться от порока не привык. И мерзость, и тлетворность –

твоя пища.

Не будь же червем зла, что с такой пищей свык, На свалках мерзости и тлена рыща. От лжи и мерзостей

ты отвращение имей И стойким будь от злого искушенья. Источники премудрые, благие ты излей, Чтоб вечной пищей стать

у Истинного поколенья!

12

Цветы там краше всех нарядов. И мёдом чаша их полна. Звезда там словно черепаха. Кружит и плещится она.

Там вежливость царит во всём. И нет там тени лицемерия. Там нет лукавства, а умение. Лежит в сокровищах поверья.

Там нет сравнений по себе, В едином всё сокрыто разом, И открывается во всём, Когда ты зришь частейшим глазом.

(я христьянин и взял всё от Него чтоб эго моё стало игом Его)

Алексей Ильин

Двухстрочье

Чтоб честно жизнь свою прожить Нельзя с системою дружить.

Если закален, как сталь, Сможешь близкой сделать даль.

Порой губительна бывает ласка, Когда дарителем надета маска.

Способен любой человек Собою измерить свой век.

Хочешь в мир нести добро? Забудь про злато и серебро!

Кто хочет себя обмануть, Тот может легко утонуть.

Хоть мне никто и не поможет, Но и сломить никто не сможет.

Раздавивший в себе разрушение Никогда не потерпит крушение.

Водовороты взрослых страстей Не стоят слезинки наших детей!

Где слабая воля, Там тяжкая доля.

Расхлябанность - причина бед. С ней ты свернешь себе хребет.

Лишь в одиночестве душа Себя встречает, не дыша.

В других презирая свои недостатки, Все люди становятся мерзки и гадки.

Достоин всяческих похвал, Кто честь свою не замарал.

Дина Лебедева

Я - прошлое твое...

н - прошлое твое...

Я - прошлое твое... не трону, не встревожу... не удивлю намеком на него, испить вино до капли невозможно, забыть меня, я знаю, нелегко...

Я - прошлое твое... сегодня - в этом ветре, в больной зиме, где все уже не так, в письме моем без даты и конверта, где все слова, прости, уже пустяк...

Я - прошлое твое... не внять и не исправить, не доказать моей..., твоей вины... январский снег, увы, как в марте тает, и по ночам другие снятся сны...

Я - прошлое твое... в свиданье и разлуке, в касаньях губ, и в выпитом вине... в веселье напоказ, и в неизбежной скуке, Я - прошлое твое, теперь уже - вдвойне...

Предосеннее...

Когда однажды вспомнишь обо мне, - пусть невзначай,

не может быть иначе, забьется сердце, словно в западне, наступит осень, и душа заплачет...

Под куполом раскрытого зонта не спрячешься от холода и грусти. И створки разведенного моста поманят на тот берег, но не пустят.

Ворвется осень слякотным дождем, рассыплет пепел на пороге спален... Мой летний стих

как будто ни о чем, окажется написан не случайно...

Я словно бабочка на шелке..

Я словно бабочка на шелке тобой булавкою распята... За легкость крыл идет расплата, и будет жизнь моя не долгой.

Пыльцу, отряхивая с ножек, последний раз вдыхаю лето, Ведь прерванный полет Поэтом, для легкокрылой невозможен...

Конечно, буду украшеньем... твоей коллекции на славу... Распятая, - останусь слабой, Пронзает болью восхищенье.

И лето жаркое утонет в воспоминаниях вчерашних.... Оно пройдет. Ты станешь старше. Лишь я - удачею сезона....

Татьяна Дунаф п. Ледмозеро

ТЫ

У меня еще есть терпенье, Чтобы силу придать словам. Потому я пойду по ступеням, Ты – по головам.

Снова чувства в груди теснятся, Разбиваются на мечты. Черно-белые сны не снятся, Снишься – ты.

Приоткрытые двери, тонкий Лунный свет и письменный стол, Все как прежде осталось, только Ты – ушел.

Синеглазое счастье, фото, Громкой музыки плен и дым. И зовет меня снова кто-то Голосом – не твоим.

А морозных ночей признанья, Словно звезды, срывались с крыш. В изголовье – воспоминанья, Ты – не спишь.

Это слезы? Ах, нет.... Неважно! Посреди зимы – это дождь. И молчит телефон протяжно. Ты – придешь.

БЕСКОНЕЧНОСТЬ

Одиноко... Однажды...Однако... Разрывают полночную мглу Беспокойные возгласы знака Бесконечность на грязном полу. Нескончаемо... Нежно... Неспешно... В пыльном прошлом, затертом до дыр. Настоящее - живы и грешны Утром в холоде разных квартир. Беспричинно... Безбрежно...

Безвольно...
Вьется дым запылавших костров. Не уснуть. И по-прежнему больно Ноют раны на смену ветров. Анальгетики... Ангел... Английский... Растворяешься ниточкой сна, Мой далекий, жестокий и близкий, Ты придешь, и настанет весна. Возвращенный... Возлюбленный... Возлюбленный...

Обещаньям и снам вопреки, Лишь бы голос не выдал! А после Ты моей не отпустишь руки.

Одиноко... Однажды... Однако... Станут крепче меж нами мосты. И секрет непонятного знака Бесконечность расскажешь мне ты.

ОКЕАН

Твоя слеза – бездонный океан, С невольной дрожью пасмурного лета, Со сладкой каплей солнечного света, В котором есть и радость и обман

Вздыхает, как в предчувствии беды, И о зеленый берег бьется снова. Размоет недосказанное слово И на щеке от губ моих следы.

Я так и не сказала одного, Оставив тень на изумрудном ложе. Твоя слеза – на океан похожа, Я никогда не видела его.

Исцеление души и зрения

Мало, кто знает, что в Петрозаводске есть специальная библиотека для незрячих и слабовидящих. Случайность помогла мне попасть туда на экскурсию.

Я была поражена, насколько ушла вперед адаптация для незрячих и слабовидящих. Помимо большого фонда изданий с рельефноточечным шрифтом по Брайлю, наличия пло-скопечатных книг с укрупненным шрифтом для слабовидящих в библиотеке используются аудиокассеты с записями литературных произведений и тифлофлешкарты для тифлофлешплееров, позволяющих услышать печатную информацию. Для читателей этой библиотеки есть возможность самостоятельно печатать на Брайлевском принтере «Everest» и сканировать тексты, которые преобразуются в звуковую информацию; то есть любой человек с отсутствием или недостатком зрения может вложить нужную книгу в сканер и услышит все, что напечатано в издании. Для читателей, освоивших программу «Just», можно, используя Брайлевскую клавиатуру, напечатать текст на русском или английском языках. Это - распахнутое окно в мир и возможность быстрой связи с друзьями, родными, коллегами русскои англоязычными.

При библиотеке создана студия для записи учебных и художественных изданий с помощью артистов, литераторов; есть издательский отдел по выпуску для незрячих и слабовидящих маленьких детей тактильных книг. Эти книги – чудо, они очень понравятся и обычным детям взрывом интереса к жизни, красочностью, разнообразием барельефов и тактильных ощущений. Издание таких книг проводится в тесном сотрудничестве с учителями-дефектологами тифло-педагогами Ириной Щелупановой и Екатериной Добрыниной. Кто познакомится с этими книгами, сразу поймет, что один тифлопедагог имеет душу, вмещающую обаяние, духовность, терпение родителей, психологов и всех учителей, которых ребенок познает. Эти книги - свидетельство не только высокого педагогического таланта, но и ответ на безудержную детскую фантазию и, конечно, показатель достойного художественного вкуса авторов и редактора. Тифлопедагог Екатерина Добрынина считает, что незрячих и слабовидящих детей надо обучать чтению не позже, чем с ясельного возраста.

Библиотека сотрудничает с Московским ООО «Издательско-полиграфический тифлоинформационный комплекс «Логос», выпускающим по государственному заказу для незрячих и слабовидящих технические средства обучения и современные аудиосредства, содержание которых представлено озвученными литературными произведениями российских (в т.ч. карельских) и зарубежных классиков.

В 2009 году библиотека отметила свое 50-летие. За это время совершенствовался коллектив, в штате появились новые профессии (учитель-дефектолог, методист) и новые структурные формы (издательский отдел, вошедший позже в инновационно-методический, учебное помещение для коррекционных занятий по тифлопедагогике). Библиотека гордится и сещающими ее в течение нескольких десятилетий: среди них Ангелин Кустышев, Виктор Кабанен, Владимир Расторопов, использующие книги с Брайлевским шрифтом. Взаимное уважение персонал испытывает к молодым читателям, часто обращающимся в библиотеку: гражданину с активной жизненной позицией Александру Козлятину; Олесе Егоровой, занимающейся вокалом и поступающей в этом году в Курское музыкальное училище на дирижерское отделение; Андрею Стрелюку - студентувокалисту Петрозаводской консерватории им. А.К. Глазунова, который заказывал словарь итальянского языка, биографии знаменитых композиторов, произведения именитых россиян: Чингиза Айтматова, Александра Солженицина и др. Библиотека организует презентации новых литературных произведений, встречи с интересными личностями: поэтами философской лирики Олегом Гальченко и Леонидом Авксентьевым (часть стихов которых стала песнями благодаря талантливому самородку композитору Сергею Константинову). Восхитило творчество активного фотолюбителя, садовода и цветовода Юрия Тихомирова. Такие встречи привлекают не только читателей, но и членов их семей.

библиотеки работа с детьми. Организованы конкурсы для детей: «Книга своими руками», «Открытка ко Дню Победы». Библиотека активно сотрудничает с образовательными учреждениями для незрячих и слабовидящих детей. Для детского сада № 1 г. Петрозаводска проводились занятия в коррекционном классе с использованием тактильных книг и дидактических пособий. Директор школы-интерната № 23 г. Петрозаводска детский писатель и поэт Андрей Сунгуров организует поездки своих воспитанников в библиотеку на различные акции по совместным планам школы и библиотеки. Инновационно-методическим отделом здесь выпущено несколько его литературных произведений на аудиокассетах, CD-дисках и в книгах с рельефно-точечным шрифтом по Брайлю.

Поэтому жители Карелии должны знать, что для имеющих проблемы зрения можно использовать самые современные технические средства, обратившись в уникальную республиканскую библиотеку к зам. директора Марии Лукиной, зав. отделом Татьяне Зайцевой, библиотекарю Татьяне Петровой или директору Наталье Фекличевой.

В Карелии созданы необходимые условия для самых маленьких наших земляков, от рождения незрячих или потерявших зрение позже в специальном дошкольном учреждении и школе-интернате № 23. Кстати, в эту спецшколу поступают дети из разных концов Карелии, а также из Архангельской и Мурманской областей, Республики Коми.

Как же растут необычные северные дети России вдали от родительского ока? Краткий ответ – достойно! Ведь природа заложила в организм возможность приспособления, определяющего взаимосвязь с внешней средой, что формирует устойчивость к неблагоприятным факторам. Ребята школы-интерната № 23 блестяще доказали это. Выпускники ежегодно поступают в вузы. С гордостью завуч Альбина Сарви отмечает, что по ЕГЭ (единому госэкзамену) у воспитанников школы-интерната показатели на уровне и выше республиканских. преподавателя Людмилы Вакулиной дети имеют высокий уровень знаний по английскому языку, ее ученики участвовали и побеждали в международных конкурсах, а Катя Иванкина даже выезжала в Америку. Еще одно сравнение. У выпускников школ Карелии показатели ЕГЭ лучше московских. Обучающимися школыинтерната № 23 можно гордиться!

Здесь со второго класса изучают английский язык, с третьего класса – информатику. 12-летнее обучение предусматривает получение дополнительного начального профессионального образования по специальностям массажист и социальный работник. От 26 до 60 % выпускников в разные годы работают по различным видам массажа. Девочки могут получить право на работу помощника воспитателя, няни в дошкольных, интернатных лечебно-профилактических учреждениях, а мальчики могут приобрести профессию по комплексному обслуживанию зданий (с проведением плотницких работ, ремонту и установке замков, проведению мелкого ремонта помещений). Планируется подготовка воспитанников по профессии цветоводадекоратора. Для нуждающихся проводится коррекционно-реабилитационная работа по социально-бытовой и пространственной ориентировке воспитанников, развитию у них осязания и мелкой моторики; занятия по ритмике, логопедии, мимике, пантомимике. Для музыкально одаренных детей организовано индивидуальное обучение игре на баяне, аккордионе и на фортепиано. Разнообразная досуговая деятельность направлена на проведение мероприятий в соответствии с разработанными программами, например, «Горница», «Масленица» и др. Совместно с районным оциально-культурным центром «Радуга Петрозаводска дети школы-интерната № 23 участвовали в городском празднике «Благовещенская ярмарка».

В данном образовательном учреждении высокая технология обучения, требующая современного технического оснащения кабинетов, активного сотрудничества со знакомыми коллегами из Германии, Финляндии, Швеции и других стран; участия в международных научно-практических конференциях, на которых успешно выступают и петрозаводчане по тифлопедагогике. Это показатель высокого уровня подготовки персонала, медицинского обслуживания в сотрудничестве с семьями воспитанников.

Результатом является успешная социализация в обществе, исцеление души и зрения у незрячих и слабовидящих, что поднимает их над остальными. Так произошло у ясновидящей Ванги, певицы Дианы Гурцкой, выпускника этой школы, ставшего реабилитологом, Олега Черепанова, поэтов Олега Гальченко, Леонида Авксентьева и у моей незабвенной учительницы ИЗО-студии Ольги Граф, прожившей почти 2 десятилетия из 94 лет незрячей.

Хильма ПОРАЛЬ. г.Петрозаводск

Здравствуй, малыш...

Нет, не скажу, что здесь плохо.

Просто...

Неуютно как-то...

Всё одна и одна..

Хотя, это не совсем так.

Вот, справа от меня – дедушка Диван.

Так он постоянно спит!

Конечно, можно его понять. Работа у дедушки не из лёгких. Собачья, прямо скажем,

Ночью, когда Мужчина и Женщина ложатся спать, он долго ворочается, скрипит недовольно. Правда, я уже знаю, что это недовольство - напускное. Он любит своих хозяев. И очень о них заботится. Потому и скрипит. Старается так уложить свои бока, чтобы им было удобно. А как поймёт, что всё, вот так – удобно, замирает и не шевелится. И так – всю ночь. Вот в такой, может, и очень неудобной для него позе.

Потому и отсыпается днём...

И то, не всегда.

Женщина-то с утра убегает. А мужчина может уйти ближе к ночи. Ему куда-то на шахту надо. Это – под землёй. И работают там не только днём, но и ночью. Мужчина это называет – «по сменам». И если ему уходить вечером, когда за тёмным окном уже давно горит яркая, как Солнышко, но холодная уличная лампа, то и днём Дедушка Диван вынужден бодрствовать..

Хотя, о чём это я? Сколько стою здесь, а Солнышка ни разу не видела. Всё ночь, ночь. И лампа на улице постоянно горит. Вот только Часы, спасибо им, подсказывают, когда утро, а когда, если первый круг подружки Стрелки пробежали, - вечер уже.

Неудивительно, что дедушка Диван почти всегда спит. Темно ведь всё время! Так что, как только выпадет какая минутка, - он сразу:

Xp-pp... X-p-pp...

Дедушка здесь самый, самый.

И по возрасту. И по положению солид-

Потому, если он спит, то все - замолкают. Чтобы не потревожить ненароком ста-

Только Часы, что висят на стене, прямо над ним, не могут удержаться, чтобы не подчеркнуть свою значимость и важность.

Каждый час:

- Б-бо-о-оммм...

Хорошо, если один раз. Но это бывает очень редко. Значительно чаще – больше, чем один. Два. Три. А иногда, так разговорятся, что этот «б-бо-о-оммм» двенадцать раз подряд докладывают...

Вот именно – докладывают.

Им хоть говори, хоть нет. Они всё своё и своё по уже давно выученной наизусть бумажке. Других, и меня тоже, - даже и не слушают. Словечко какое между этими «бомами» - не вставить.

А вставишь, что толку? На все просы у Часов только один ответ:

- Б-бо-о-оммм..

Воображалы и задаваки несчастные!

И настроения какого разговаривать с ними о чём-то нет. Ты им «стрижено», хоть двадцать пять раз подряд скажи, в ответ всё равно «б-бо-о-оммм» услышишь..

Как с ними только Маятник дружит? Вот тот-то – ещё та балаболка.

Ну, как тётушка Сорока, дай ей Лесные Духи доброго здоровья и долгих лет. Только та всё-таки потрещит-потрещит, все новости, что с опушки или с ламбушки* принесёт, вывалит тебе на крону и улетит куда дальше рассказывать. А этот... Неугомонный...

И бормочет, и бормочет что-то...

- Тик-так... Ти-ик-та-ак.

Вот только я всё никак разобрать не могу, - о чём это он всё?

Конечно, если бы был у нас, в лесу, какой учитель часовых языков... Я бы - обязательно.

Хотя

До того ли там было? Каждый день столько разных важных дел.

Да и кто ж подумать тогда мог, что этот язык вообще когда понадобится. Знала бы,

Ка-ак всё-таки хорошо было у нас, в лесу.

То вот, тётушка Сорока прилетит, новости какие расскажет. То дядюшка Ветер ласково так погладит, спросит:

- Как вы тут, девчонки?

- Хорошо, дядюшка... Вот, дождевые капельки в гости заскочили, да и остались на какое время в веточках. Нам хорошо, а малыш Паучок ворчит, что опять в его хозяйстве беспорядок навели. А какой беспорядок? Сам посмотри - Солнышко выглянуло и таким узором его паутинку раскрасило! Каждой капельке – маленькую радугу подарило.

Или с подружками о чём своём, еловом, пошептаться.

Ах, сколько у меня подружек было... И сестрёнок.

Нет, не зря, видно, матушка дядюшку Ветра постоянно укоряла. Мол, зачем он нас с сестрёнками на эту просеку, под линию электрических передач, занёс. А он оправдывался. Мол, что шумишь, старая, посмотри только, как девчонкам просторно. Не то, что все вы там, в тесноте, да в обиде. Постоянно ведь кого вываливать вместе с корнями приходит-

А на просеке – красота!

Всем и места, и Солнышка хватает... Но не зря, матушка...

Вот, пришли люди, под самый корешок

забрали всех и увезли.

Долго везли. Сначала машиной. Потом поездом

Темно было, тесно.

И страшно..

Но не одна ведь я. Сколько родных сестрёнок, подружек вместе со мной, рядом,

И пока везли, и потом, когда высадили и поставили всех вместе в том месте, у входа в которое большими буквами кто-то написал -«Елочный Базар».

А когда не одна – не так уж и страшно. Вместе ведь все. Рядышком...

Ну, почему...

Почему меня одну Мужчина на Базаре взял и сюда принёс?..

В дом этот, что он квартирой назвал и который им какой-то Хрущёв строить помогал. Мастер, наверное, по строительству. Вот только он здесь не живёт.

Кроме Мужчины и Женщины больше -

А место – есть. Вон, за дедушкой Диваном, - у окошка. Или вот, если из прихожей, сразу у входа в комнату. Конечно, тогда бы сестрёнка проход ветками загородила.

Но – ничего. Пройти-то можно! А я бы –

не одна здесь была..

Правда, дедушка сказал, что ещё и мальчик маленький здесь живёт. Но я его не видела. Нет его.

Ещё до моего приезда, ночью, у него ушко заболело. Он не спал и плакал. И Женщина с Мужчиной не спали. Но не плакали. Потом приехали люди в белых халатах, посмотрели мальчику в ушко какой-то блестящей трубочкой и увезли на машине с красными крестами. Тоже белой.

Это уже сёстры Шторы сказали. Они в окошко видели. Машина как раз под лампой

Нет, не скажу, что здесь плохо.

Когла меня сюла принесли я та-а-ак пить хотела. Сколько ехали! И хоть бы капельку какую кто бы где дал.

А Мужчина - догадался. Поставил меня в ведро и, чтобы я не падала, песка насыпал. Утрамбовал его. Потом и водички налил.

Так хорошо-оо... Почти, как дома, в родном лесу. И тепло. Прямо – весна! Вот только Солнышка нет. Но я всё равно новые, зелёные пальчики из веточек высунула. Может, здесь весна такая. Без Солнышка.

Кто-то же греет!

Значит, весна. Вот я и высунула.

И все та-а-ак обрадовались...

Давай мне подарки разные дарить.

Вот, шарики стеклянные повесили. Почти как капельки дождевые, когда Солнышко в них смотрится. Только – больше. И – каждый шарик – одного цвета. Но все почти – разные. И красные есть, и синие, и желтые..

Ещё часы повесили. Тоже стеклянные. Но они не идут. Как встали, что-то около двенадцати, так и стоят... Зато – красивые...

А на верхушке у меня укрепили красную пятиконечную звезду.

И ленточки тоненькие серебристые на веточки бросили. Их почему-то «дождиком» все называют. Хотя, какой же это Дождик? Я же его знаю. Не Дождик это совсем. У того – капельки А злесь – ленточки Нет не ложлик!

Только я молчу. Поймут ещё, что – не то

что-то, и снимут. А я такая в них...

Краси-ивая...

Да! И лампочки. Здесь все на этих лампочках просто с ума посходили. И на улице они, и в доме... Й вот... Мне тоже дали!

Их тоже как-то интересно называют.

Но я – забыла...

Столько кругом нового... Интересного..

И все ждут, не дождутся какого-то Ново-

А ещё – когда мальчик из больницы вер-

И дедушка Диван говорит, что вот это

всё. Всё, что на мне и подо мной...

Да! Опять чуть не забыла..

Под моими ветками, прямо у ведра, что какой-то белой тряпочкой обёрнуто. Мол,

Глу-упые...

Какой снег, если весна!

Так вот..

Под ветками - коробочка, на которой вертолёт нарисован, и пакет.

А в пакете.

Разный мелкий народец в красивых бумажных одёжках. Нет, так-то я не видела. Закрыт пакет и ленточкой такой синенькой перевязан. Да народец в нём суетной, неугомонный. Всё шебуршит, разбирается промеж собой. Кто из них вкуснее, да лучше.

Все вместе против каких-то одних дружат. Те по-русски плохо говорят...

Bcë:

Калев**, калев...

И, - мы, мол, желе-е-ейные... В шоколадной глазури!

Фу-ты, ну-ты...

У меня тоже - смола под корой. И что

Но эти хоть, мал-мало, но по-русски гу-

А ещё там такие мячики маленькие. Оранжевые.

Вот, правду люди говорят. Мал клоп, да вонюч. Уж тако-о-ой от этих мелких запах.

Даже мой, приятный, хвойный, переби-Дедушка говорит, что они откуда-то из-

Само собой. У нас таких вонючек сроду

не было... Вот эти вообще по-нашему ни бум-бум. И откуда только такие серые? То есть -

оранжевые А дедушка Диван и говорит, что всё то...

Ну, что на мне и под ветками... Так всё – мальчику.

А то он всё один и один в больнице.

Да-аа.

Плохо одному. Сама знаю. Знать-то знаю, а сама?

Всё о себе, да о себе..

Конечно, плохо без сестриц и подру-

Но и ему.

Мальчику.

Хорошо, что ли?

Я вот, и красивая, и пальчики у меня но-

Нет, не плохо мне здесь.

А ему там, в больнице? Одному... Без сестриц. Без подружек.

Не берёзовый сок сладенький...

Вот, придёт он из больницы... - Ого!

Это же я тут! Така-ая... Кра-си-ива-я-а... Не будет он больше один!

И я не буду..

Буду - с ним.

Это что? Ключ в замке проворачивается?... Так дедушка же говорил!

Что – сегодня...

A-aa...

А ты кто?

Такой маленький... В смешной тёмной круглой шапке. сверху перетянутой резинкой, валенках и маленьком пальтишке, к рукавам которого на такие же резинки, что и на шапке, пришиты варежки

И глазки... Тёмненькие.

Широко-широко раскрыты.

А в них...

В них, как в той тихой, прозрачной ламбушке – я...

С новыми зелёными пальчиками...

Я отражаюсь... Такая красивая, нарядная...

Здравствуй, малыш...

Игорь МОНАКОВ г.Петрозаводск.

* Ламбушка (карельск., уменьшительно-ласкат. от ламба) небольшое лесное озерко ** Калев (Kalev) – торговая марка таллиннской кондитер-

Анна Власенко

Тишина

Я ступаю в тишину Пустой своей квартиры. На диване кот уснул, Забияка и задира.

Оглушает тишина Светлым ангелом хранима, Не невеста, не жена Для тебя я, мой любимый.

Наслаждаюсь тишиной Без тебя, мой Казанова. Выпадает мне одной Слушать сердца стук больного.

Расскажу о тишине Я тебе, когда вернёшься. Ты живешь в нелепом сне. Подожду пока проснёшься.

Мотивы

Похолодало на дворе. Похолодало. За окнами алела вновь заря. И торопился вдаль прохожий запоздалый, А ветер пел, со мною говоря.

Он мне шептал,

что возвращаются с весною Все краски, что поблёкли, все цветы, Что укрывают белоснежной пеленою Деревья и зелёные кусты.

В тот непогожий день

печалилась, страдала,

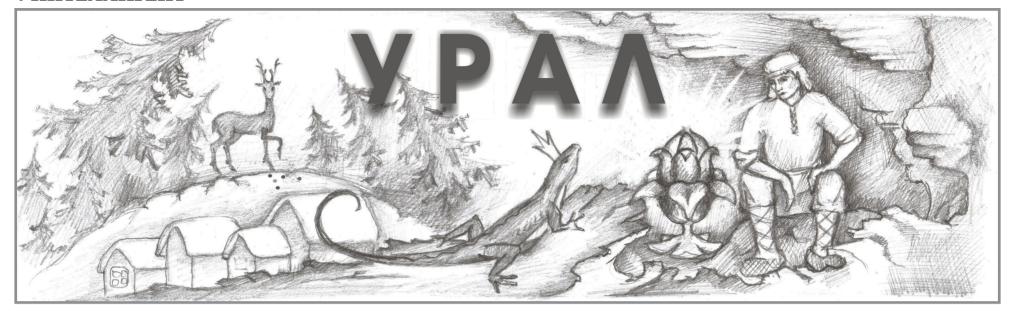
Там скрипочка, нам музыку даря. Похолодало на дворе. Похолодало. За окнами алела вновь заря.

Валентина Смирнова

Люблю - не люблю

Я не приемлю серых дней, Я не люблю сырой погоды, Я темных не люблю теней, Я не считаю свои годы. Люблю следить полёт шмеля, Когда кружит он над ромашкой. Люблю углём от камелька Я разводить костёр вчерашний. Люблю я нежный детский взгляд, Люблю я пенье хоровое, Люблю лесов цветной наряд, Люблю я поле яровое. Я не люблю, когда мне лгут. Я не люблю хмельные речи. Мне ненавистны мелкий плут И низость, жадность человечья. Люблю открытых я людей. Люблю весёлое застолье, Люблю себя в кругу друзей, Их шутки, смех и всё такое.

Я разлюбила зеркала... Мне кажется - они лукавят. Конечно, я немолода, Но для чего ж они так старят? Я в отражение смотрюсь И не хочу себе признаться. Что этой женщины боюсь, Как двойника иль самозванца. Скажи мне, зеркало, скажи, Ужели стала я такою: Погасший взгляд и седина, И строчка складок над губою? Как быть? Душа - то молода! Порхает, словно бы ей двадцать! Плевать ей на мои года -Она не думает сдаваться. Но спорить с зеркалом - зачем? Уж лучше я его закрою. Живёт в нём жизни моей тень. С безмолвной тенью я не спорю.

Надежда Сергеева г.Нижний Тагил Посвящение Фредерику Шопену

Порхают руки над роялем, Как будто бабочки иль птицы... И звук летит, слегка печален, Во власти музыки-царицы...

Спустился тихо синий вечер, Луна чуть светит из-за шторы, А в полумраке тают свечи И затихают разговоры.

Звучит ноктюрн легко, негромко, Рождая в сердце зов любовный. Слеза в глазах иголкой тонкой Блестит, грозя пролиться в волны.

Танцуют звезды в плавном танце, Ловя волшебный звук печальный. Река блестит в подлунном глянце И скрыто все покровом тайны...

Душа внимает в упоеньи Чудесной музыке Шопена, И сладостные сновиденья Вдруг выпустил Морфей из плена.

Посвящение Френсису Гойя

Играй гитарист, пусть гитара Грусть разделит сегодня со мной Нет на свете теплее дара -Дать душе такой нужный покой...

Играй гитарист... Эти струны Столько нежности дарят сейчас... Вижу образ - далекий, юный... Солнца блик в глубине синих глаз

Играй гитарист... Звуки эти Над землей поднимают меня, В час заката иль на рассвете В даль волшебную тихо маня

Играй гитарист.. Твоя песня Для души одинокой причал... С нею рядом ширь поднебесья, С ней душа всю забудет печаль.

Играй гитарист... Твое сердце Я в ладонях, как птицу, держу, распахну я у клетки дверцу

Зоя Соснина

Родилась в Прииссыккулье, Киргизия, там закончила Пржевальский пединститут, факультет физики и математики. Проживает в Кузбассе.

Новый мост

Вроде бы недавно это было: Разрезая надвое тайгу, И зимой и летом в тучах пыли Шли «камазы» в городок Тайгу.

И хоть далеко нам до Европы – Бездорожья грязь и дураки -Но красавец мост, прогресса опыт, Вырос, как подарок для реки.

Весь он из железа и бетона, И ступеней сбоку длинный ряд. Сколько легковых и многотонных Над тобою по асфальту мчат, Заглушая твой негромкий голос Рвением моторов и колёс!..

Этот гон

в волну незрелый колос Выхлопными газами занёс...

Речка Яя! Лепет твой хочу я Слушать вновь в минутку тишины. Вот возьму – и над тобой взлечу я С этой крутобедрой вышины!..

Но – сойдя покорно по ступеням, Я спрошу под гулкостью моста: Привыкает ли к бетонным теням Вод твоих таёжных чистота?..

Отойду подальше от моста я, К огоньку рыбацкого костра. Ты, конечно, помнишь, речка Яя (Память наша общая остра), Что с меня всегда в разгаре лета Ты смывала, как колдунья, зной, И, быть может, чтя права поэта, Говорила ласково со мной...

Отчего же нынче нам тревожно? Хороши дороги и мосты -Только бы они неосторожно Не сгубили прежней красоты.

Только бы с победами прогресса, Что страшат нежданностью беды, Сохранилась самобранка леса, Солнечность кувшинок из воды!..

Лето

А в то сумасшедшее лето, Когда вся сирень отцвела, Презрев пересуды, запреты, С заката, порой до рассвета Кружилась моя голова. Ветвей перекрещенных тени Плелись паутиной у ног. Трава обвивала колени, А месяца пламенный рог, Цепляясь за ветки и сучья, С усмешкою глядя из тучи, Ласкался, неверный, с летучей, Пытаясь другую обнять. Ему ли меня обвинять?

В деревне

Вросшие в землю избёнки Снегом до крыш замело. Тощие в стайках бурёнки – Пять на большое село.

Девочки пляшут на сцене Танец под музыку – хит. Хмурое лиц выраженье, Пол под ногами скрипит. Густо накрашены щеки Яркой помадой для губ.

Домик дощатый без окон – Кинотеатр и клуб.

...Жалкая глушь захолустья, Грязь непролазных дорог. С пьяной, отчаянной грустью В праздник гуляет народ.

Счастье заблудилось (романс)

Раздавал Всевышний Счастья понемножку. Оказалась лишней Я на той делёжке – Недопетой песней, Недоспелой вишней... В этом мире тесном Оказалась лишней.

Много лет кукушка Мне накуковала. Нелегко, подружка, Начинать сначала. Встрепенулось сердце Птахой в тесной клетке. Листьям не согреться На осенней ветке.

Счастье заблудилось Где-то в небе звёздном. Жизнь не получилась -Поняла я поздно. Отзвенело лето Птичьим пересвистом. Может, счастье где-то Бродит в поле чистом?

Иван Габов г.Новоуральск

Дождь из жёлтых листьев сентября...

Дождь из желтых листьев сентября, И асфальт -

как выжженный перрон. Ускользает, душу теребя, Лета убегающий вагон.

Город – обезумевший старик, Позабыв про плащ и про зонты, Подставляя каплям серый лик, Опьянел от этой чистоты.

В слеповатых окнах – темнота, Временем истерзанный карниз, И ветвей деревьев нагота – Осени отчаянный каприз.

В серых рваных тучах неба свод, В слякоти увязший город-зверь. В жизни этой – всё круговорот. Метеопрогнозам ты не верь!

В невыразительном пунктире...

В невыразительном пунктире Дождя слезинки на стекле, И осень ведьмой на метле В пурпурном, с золотом, мундире...

И листопад неторопливый, На лужах льдинки поутру, И без тебя – один – умру Зимой в прокуренной квартире...

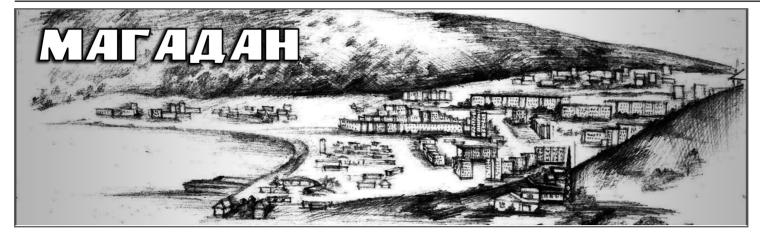
Песочные часы

Да, я всегда имел грехи... Но силой вдохновенья Писал в газету я стихи, Ты – только объявленья.

Песчинки-дни в часах любви, Под силой притяженья, Летели вниз и унесли Твое расположенье.

А жизнь - машиною такси Неслась без промедленья, И стали вдруг глаза твои – Лишь счётчиками денег.

...Не умер, жив, да и грехи Имею, к сожаленью. Я всё ещё пишу стихи! А ты – всё объявленья?...

Гусь в сметанно - брусничном соусе отрывок из книги "Весенняя охота на гуся или бегство от себя к себе"

Прошла половина великолепного охотничьего дня, одного из дней охоты весной 2007 года. Он принес нам красивые выстрелы, великолепные трофеи и яркие впечатления. Время подходило к обеду и мне предстояло заступать на кулинарное дежурство. Я покинул свое охотничье укрытие и подошел к соседнему скрадку. где находился Вололя

Сентябрь 2010 г.

По его лукавой улыбке сразу же понял, что сейчас опять будет нападать любитель вкусной гусятины. Желая упредить происки друга, я напал первым:

- Оголодавших без гуся Двух Благородных Донов приглашаю на дегустацию часа через полтора-два. Вопросы есть?
- Не-а! - в тон ответил Володя. Уже

вслед услышал шутливо-язвительное:

- И не дай Бог гусака загубишь, поку-

- Не дождётесь! - получил в ответ Во-

Основной идеей при приготовлении гуся по этому рецепту являлось соединение вместе вкусов дикой гусятины, сметаны, специй и брусники. Что-то в таком сочетании могло показаться невероятным и неприемлемым. Кроме этого, блюдо и картофельный гарнир планировалось приготовить отдельно. Я был уверен, что блюдо, еще не родившееся на свет и уже успевшее стать навязчивой идеей, не разочарует никого. По приходу в домик, глотнув чайку, я принялся за воплощение в жизнь своего замысла. Гусак для приготовления блюда был любезно принесен Серегой. Я сделал все необходимое и поставил котел с гусаком на печку, добавив немного воды. Сразу же поперчил и посолил. Все предельно просто и естественно. Быстро почистил картошки на гарнир, засек время и вышел на улицу. Все-таки интуиция меня не подвела. Я вышел вовремя. Как оказалось, стайка гуменников налетела молча, без звука. Володя ее заметил в последний момент, и у нее был небольшой шанс пройти без потерь. Первые два Володиных выстрела я по непонятным причинам не услышал. Картина, увиденная мной, была достойна кисти живописца. Я видел стоящего в скрадке Володю. Он вел стрельбу по небольшой стае гусей в двадцать, находящихся от скрадка метрах в сорока. Один чисто битый гуменник уже отвесно палал к земле. После еще двух выстрелов еще один из гуменников начал отвесное падение вниз. Первый гусь упал в воду перед скрадком, подняв большую кучу брызг. Жаль, не было солнца, зрелище было бы еще краше. Второй сбитый гусь упал метрах в 20 за скрадком. Похоже, гуси были биты чисто и не проявляли намерений улететь или убежать. В этот раз Володя резво выбежал из укрытия и начал собирать свои трофеи. Похоже, для моих друзей день действительно

«Да и слава Деду, пусть мужики отрываются. Не могут все одновременно быть нааны за бестолковую стрельбу. живу», - подумал я.

может стать необычным.

Гуменник на плите при помощи печки продолжал приводить себя в пригодное для блюда состояние. Войдя в домик, проверил наличие сока в котле, чтобы исключить любую возможность пригорания, и опять вышел

Вернулся скоро - проверить, как ведет себя гусь в котле. Здесь все было замечательно: домик наполнялся чарующим запахом дикой тушеной гусятины. Оставалось только дождаться неполной готовности гусятины, чтобы добавить экспериментальные составляющие – сметану и бруснику. Мысль приготовить гуся именно таким образом пришла еще в городе. Специально купил три пакета сметаны, старательно упаковывал, чтобы довезти и не раздавить при транспортировке. Предположение о том, что вкусовая гамма из оригинальной по вкусу дикой гусятины, кисло-сладкой брусники, сливочной сметаны, лука, специй окажется великолепной, требовало проверки. Эксперимент вступал в завершающую стадию. Я долил в котел немного воды, проверил готовность мяса. Оно было готово, и я добавил сметаны. Самым важным для меня было определить необходимое количество брусники. Как говорят наркологи, я боялся передозировки - излишняя кислота могла испортить блюдо. Все-таки угроза со стороны Володи быть покусанным не давала покоя. Интересно было наблюдать, как снежно-белая сметана начинает точечно окрашиваться в розовый цвет.

Первую пробу соуса снял минут через пятнадцать. Она привела в восторг. Всю гамму вкусов можно выразить фразой известно-

- Ò - БАЛ - ДЕТЬ!

Что я и продолжал делать, внося небольшие коррективы добавкой брусники, соли, специй. Это была уже шлифовка. Котел с готовым блюдом я поставил на край печки. Сразу же поставил варить гарнир. Я решил сделать ревизию в коробках с продуктами, лежащими в лабазе и накопать чего-нибудь на холодную закусочку. Из моей "нычки" перепробовали все. Там просто не было ничего нового, но кое-что еще осталось.

Намерения изменили, как всегда здесь, голоса гусей. Пронзительные крики раздались со стороны нашего озера. Я успел подбежать к выходу и стал свидетелем еще одной Володиной удачи. На него Дед опять направил стаю. Стайка небольшая, но само качество налета вызывало только белую зависть. Гуси заходили слева направо, кучкой и громко кричали, намереваясь снизиться. Намерения их стали выполняться, стайка стала заходить к профилям. Володя не манил, а молча наблюдал за ними в готовности к достойной встрече. Он напустил их метров на сорок и начал стрелять. Один белолобик начал выпадать после первого выстрела, второй прошел мимо, после третьего со сломанным крылом вывалился еще один. Володя добил подранка, вышел из скрадка и собрал свои трофеи. Постоял немного там, где добрал второго, рассмотрел свои трофеи. Перед тем как двинуться к домику, он забрал из скрадка лежавших там двух красавцев гуменников. Со стороны картина Володиного возвращения напоминала триумф римского императора. В каждой руке по два гусака, ствол за плечами. Жаль, я не запечатлел и это его возвращение на видеокамеру. Четыре гусака буквально за 3 часа ожидания - это пока рекорд для нашей берлоги. Ширина Володиной улыбки уже не помещалась во всю Ланковскую долину. Это было что-то более широкое. Он не дошел до домика метров пятнадцать. Со стороны Серегиного озера раздались пять выстрелов. После паузы раздались еще три. Стало тихо.

· С полем, Володя, – сказал я напарнику. Он меня не услышал. Улыбка абсолютно счастливого человека занимала все отведенное природой для нее место. Его не было рядом, он предположительно находился в охотничьем раю. Понемногу он начал возвращаться к реальности.

- Серега, ты представляешь, я за всю жизнь до Ланковой добыл четырех гусей, а сегодня за три часа взял столько же! торг был написан на его лице.

Володя повесил ружье на гвоздь в стене и двинулся к вешалке. Гусь должен висеть на вешалке! Я быстро зашел в домик, проверил, как ведет себя наш обед. Снял готовое блюдо с печки и поставил на имеющуюся, на этот случай сетку. Там он уже не кипел, а просто настаивался. После проверки картошки на готовность слил ее, бросил сливочного масла и также водрузил на сетку. Сразу же налил три стопочки – традиции нарушать нельзя. Из домика прошел к вешалке, где Володя заканчивал поселение своих трофеев на временный постой.

- Володя, с полем! - повторил я

Он оглянулся, и я только сейчас понял, что меня услышали. В голове пролетела шальная мысль: оказывается, человеку с душой охотника нужно до смешного мало для абсолютного счастья. Всего четыре результативных выстрела, и ты на вершине блаженства. Возраст значения не имеет. Умудренный жизнью Володя, взявший в жизни полувековой рубеж, в одно мгновение превратился в ребенка, получившего долгожданную игрушку. О его душевном состоянии можно было судить по глазам. Такими они бывают только у счастливых детей, и они не могут лгать.

- Володя, пойдем в домик, там стопочка есть! – предложил я ему

Мы молча вошли в домик, где я передал Володе ритуальную стопочку и кусочек сыра. Друг все понял, подошел к печке и открыл дверцу. Пауза на этот раз была более длительная, чем обычно. Володя вслух не сказал ни слова, но по выражению лица было видно. что из глубины своей души Володя передавал Деду что-то сокровенное. Он вылил стопочку в огонь печи и бросил кусочек сыра. Долг исполнен, и Володя подошел к столику. Там его ожидала другая стопочка, предназначавшаяся лично ему. Она была как нельзя кстати - удачу напарника необходимо отметить.

- Твой фарт, дружище, – поздравил я лруга с улачей.

Лицо Володи продолжало светиться лучистой детской улыбкой. Мы выпили по стопочке закусили селелкой.

- Уважаемый дежурный по кухне, а чем

так вкусно пахнет? - спросил Володя. Это был знак, что он полностью вернул-

ся к реальности. - А это Ваш заказ! Гусак в сметане и с

брусникой, - сказал я. - Да уж! – многозначительно ответил

Володя.

Приготовленный гусак своими запахами из-под крышки котла призывал к немедленным действиям по его дегустации с последующим полным уничтожением. Но вдвоем такие процедуры проходят, как правило, плохо - для получения более полного удовольствия по русской традиции нужно не менее трех участников. Решение пришло мгновенно. Нужно идти за напарником. Идти пришлось только до вешалки. Перед глазами предстала чудная картинка.

Серега уже находился метрах в пятидесяти от домика. Ствол был перекинут назад за спину, в обеих руках болтались гуси. Болтались они красиво, смачно, с большими амплитудами. Их величина определялась длиной гусиных шей. Точное количество гусаков, транспортируемых удачливым охотником к домику, по всей видимости, превышало Володино. Он устало дошел до вешалки, отпустил пальцы и из его рук выпали гуси. Эта куча лежала рядом с вешалкой с претензиями занять там свои места.

- Серега, ты чего натворил? Сколько? спросил его Володя

- Шесть! - коротко ответил Серега, утерев пот со лба.

В этой гусиной куче лежали два гуменника, одна пискулька и три белолоба. Я глянул на друга. Должно быть, самые яркие реакции на такую охоту он уже перенес. Трудно описать всю палитру охотничьих впечатлений, которая накрывает охотника после стрельбы с такими результатами. Их лучше пережить хотя бы один раз, и все станет понятно. На секунду мне даже показалось, что вокруг Серегиного силуэта появилось какоето яркое, многоцветное свечение. Вероятно, так светится адреналин при его избытке внутри организма. Счастливчик молча полвешивал гусаков на вешалку. Движения были уверенными, но медленными и несколько торжественными. Закончив эту процедуру, Серега обернулся к нам, с улыбками наблюдающим за этим со стороны.

- Мужики, я здесь охочусь больше 15 лет. Бывало всякое, но чтобы за четыре часа добыть то, что иногла добываещь за подмесяца, такого еще не было. И вообще год уникальный! Я уже взял полтора десятка гусаков и установил личный рекорд, - закончил фразу

В его голосе я уловил какую-то плохо скрываемую грусть.

- Чего грустишь, дружище? С полем! С великолепным полем! - поздравили мы с Володей напарника.

- С сегодняшнего вечера я записываюсь в общество "Зеленых" и "Союз пацифистов". Ствол поднимаю только в качестве самообороны. Причина простая – хватит! Я взял в обшей сложности столько, сколько мне нужно. Нельзя брать у Деда больше, чем нужно.

- Не волнуйся, найдем, чем тебя занять И вообще, благороднейшие Доны, пора напасть на гуся с брусникой. Он, наверное, уже вспотел! - внес я предложение.

Не торопясь, вернулись в домик, где моим друзьям сейчас придется соединить дурманящие запахи необычно приготовленного дикого гуся и адреналин, распирающий их изнутри и, как мне показалось, даже светящийся. Все это будет оттенено хорошей холодной водочкой. Я налил на этот раз четыре стопочки и после этого приступил к раскладке ставшего нарицательным блюда. Отдельно приготовленный гарнир из вареного картофеля я начал обкладывать кусками тушеной гусятины. Все это сверху заливалось неповторимым по пвету соусом. Он стал розоватым из-за соелинения снежно-белой сметаны и темно-бурой брусники. Все это внешне было очень необычно и привлекательно, вкус этого блюла нам прилется опенить прямо сейчас. Я отрезал кусочек ароматной гусятины и вместе с ритуальной стопочкой молча передал Утомленный адреналином, он его Сереге. медленно взял это в руки и молча подошел к печке. Мы с пониманием отнеслись к важности момента, и в домике повисла тишина, лишь изредка нарушаемая печкой. Для друга это был день рекорда, поэтому общение с Дедом должно быть особо доверительным. В этот раз Серега дольше обычного общался с Дедом. Ему было о чем поговорить с ним и за что поблагодарить. Мы не мешали и терпеливо дождались окончания их беседы. Дед принял дань и закуску благосклонно, и мы смогли наконец-то приступить к дегустации.

Тост предложил я:

- Мужики, за ваш фарт! И за ваш день! Это дорогого стоит, - коротко сказал я.

Особо вкусной водочка, вероятно, показалась Сереге. К нему Дед был сегодня наиболее благосклонен.

- Ну что, благороднейшие Доны, есть желающие отказаться от гуся с брусникой? – начал я доканывать мужиков, выдержав паузу, необходимую для того, чтобы попробовать блюдо. На себе я тут же поймал два недоуменных взгляда своих напарников. Взгляды смогли выразить только одно: более идиотского вопроса в более неподходящий момент было трудно придумать. Первым в ответ что-то промычал Вололя. Говорить не мог. Он старательно жевал мясо, усиливая вкус соусом из ложки. Серега делал все это молча и размеренно, наслаждаясь вкусом блюда. Пауза длилась еще некоторое время. Прервал ее Володя:

- Серега, а добавка будет, чего-то быстро мясо закончилось?

- Тоже не мешало бы добавочки. Мужики, без лишней скромности могу сказать, что ничего подобного никогда не пробовал, хотя готовили диких гусаков разными способами. Пусть это будет кулинарной визитной карточкой нашего домика, - прибавил тезка.

- Буду только рад, - ответил я другу. Пока я подкладывал добавки. Серега на-

полнил стопочки. Тост опять произнёс я: - Мужики, в такой день тост может быть только один – за вашу удачу! Другого в такой

день я не вижу. - Спасибо, дружище, - не сговариваясь,

ответили мужики. Вторая стопочка пошла мягко, в удовольствие, как и предыдущая. Ввиду необыч-

ности блюда гусь в тарелках исчезал с космической скоростью. - Серега, а там еще добавочки не найдет-

 спросил Володя. - Вам чего - картошки, хлеба или «До-

ширак»? Вам за ваши прошлые критиканские выпады по поводу блюда вообще ничего больше не полагается, – начал я дурачиться.

- Нет. вон той невкусной гусятины, хотя бы чуть-чуть?- продолжал клянчить добавку

- Все, гусак с брусникой умер! С добавкой не приставать! - предупредил я мужиков. - Так быстро, - с сожалением произнес Володя.

тост сказал Серега. прежнему был измучен адреналином:

- Мужики, пусть охотничья удача сегодняшнего дня. посетившая меня сегодня, будет у каждого из вас. Пусть будет так!

Мы с удовольствием приняли по третьей. Слегка остывшая гусятина приобрела второй, более ярко выраженный вкус. Мы продолжали им наслаждаться, фиксируя его в памяти. Как ни печально, не каждый раз даже во время весенней охоты предоставляется такая возможность. Все это оценивается позже, когда нестерпимо хочется любой дичи при полном её отсутствии. Уникальность этой весны нам еще предстояло осмыслить, а пока мы продолжали купаться в адреналине в компании с кайфом, который по- прежнему проживал у нас в домике. Закрепить все полученные ошущения оказалось возможным только лежа и с дремотой. Вариант был единственным. Возражений не было.

Сразу же после водворения на лежанку раздался дружный молодецкий храп. Жизнь продолжалась вместе с весенней гусиной охотой. Спали мы довольно долго. Гусь в сметанно – брусничном соусе уже три весны является нашим ритуальным блюдом.

Сергей МАЛАШКО

Макс Семиколенов

Родился 18.11.1996г. в городе Элиста (республика Калмыкия). В 2003 году уехал на Север, два года жил в поселке Эвенск Магаданской области, а после переехал в сам Магадан. Сейчас учусь в школе с математическим уклоном, увлекаюсь информатикой, физикой и рыбалкой. Одна из работ опубликована в газете "Колымский регион" Ждет своего часа публикация работы в "Книге о Магадане и Магаданцах". По итогам участия на Литературном Портале " Что Хочет автор" за 2009 год имею благодарность.

Эту историю рассказал мне один мой знакомый. Я же, в свою очередь, решил поведать ее вам, так как моему знакомому не поверил никто. Вероятно, он сам порой думает, что все это ему привиделось и послышалось. Но тем не менее, история уже написана, и ничего с этим не сделаешь. Итак, начнём.

Мой знакомый (в дальнейшем пусть он будет, к примеру, Антоном) очень любит читать. Буквально «книжный червь». И, естественно, в каждую новую интересную книгу он с упоением «вгрызается». А где может быть столько «духовной пищи», как не в библиотеке? Он думает точно так же, посему, как только ему требуется новая «порция еды», он отправляется именно туда.

И вот, в один из таких походов в библиотеку, случилась рассказанная им (и описываемая мной) история. Всё начиналось обыденно: Антон зашёл в огромный зал с множеством теряющихся вдали стеллажей, на которых десятками и сотнями расположились книги. И среди этих гигантов одиноко сидящий за конторкой библиотекарь Михаил Петрович казался совсем крошечным.

- Здравствуйте, Михаил Петрович, поздоровался Антон.
- А? А, добрый день, молодой человек, - библиотекарь оторвался от своей писанины. – Что-то ищите?
- Да, мне нужны «Персидские мифы», - ответил мой знакомый.
- Персидские? переспросил Миха-Петрович. – Знаете, я вообще не уверен, что они у нас есть, их никто никогда не спрашивал. Давайте сделаем так: сейчас Вы самостоятельно поищите ту книгу, которая Вам необходима, потому что у меня сейчас сплошной завал.
- Спасибо, поблагодарил Антон и углубился в книжные ряды. Библиотекарь вновь трудолюбиво зашелестел бумагой.

Мой знакомый шёл среди стеллажей. Там были абсолютно разномастные экземпляры: энциклопедии и словари, фантастика и фэнтези, детективный ширпотреб и прочее. Но «Персидских мифов» всё так и не попадалось. Книжные полки как будто бы образовывали огромный город с громадными домами-стеллажами и жителями-книгами. Там было превеликое множество улиц, переулков, проспектов. Ощущение времени там абсолютно терялось. Самое страшное было в том,

Однажды в библиотеке

вой души, кроме Антона (как он думал до поры до времени).

Наконец, Антон забрёл в запылённый «переулок». Создавалось впечатление, что сюда уже многие месяцы не ступала нога человека. Вдруг Антону почудился шелест страниц.

«Да нет», - подумал он. - «Кому здесь шелестеть? Только Михаилу Петровичу, но он далеко».

С этими мыслями мой знакомый стал внимательно рассматривать корешки книг.

«Магия для чайников», «Пособие для полных дур», «Как надраить лысину до блеска» и прочее в этом роде располагалось в «переулке».

«Кому может быть интересен такой бред?» - думал Антон. – «Хотя «Пособие для дур» - вещь актуальная, надо у Михаила Петровича будет попросить отксерокопировать...»

Обойдя весь «переулок» и не найдя ничего стоящего, Антон повернулся спиной к нему и уже собирался уходить, как вдруг услышал отчётливый шелест бумаги, весьма похожий на какое-то слово, не совсем понятное, но определённо русское.

Антон насторожился и обернулся. Книги стояли на стеллажах, ничего необычного. Мой знакомый пошёл дальше, как вдруг за его спиной кто-то совершенно отчетливо чихнул. Антон притаился

- Как же здесь всё-таки пыльно, раздался хриплый голос неопределённого пола.

Не веря своим ушам, Антон заглянул в переулок и увидел, как «Магия для чайников» парит в воздухе, хлопая страницами, как крыльями.

- И не говори, «Блестящая лысина» плавно выплыла вслед за «Магией». На обложке оказался портрет волосатого мужика с хитрым лицом. Видимо, это был сам автор. Как мужик, страдающий повышенной волосатостью, мог написать руководство о правильной полировке лысин, а тем более, растянуть эту тему на целую книгу - так и осталось загадкой. Мало того, этот портрет был живым. Его лицо двигалось, хитрющие глазёнки бегали по сторонам. – Мне бы, как памяти человечества, не хотелось пылиться в этой забытой всеми дыре.
- Гы-гы-гы! по-идиотски заржало «Пособие для полных дур», вылетая вслед за «Лысиной».
- А ты вообще молчи, ошибка типографии! – прикрикнула на «Пособие» «Магия». – Знаешь, Лыс, я очень сомневаюсь, что человечеству будет интересно, как правильно полировать лысины, так что, как память этих неблагодарных двуногих, ты навряд ли сгодишься.
 - Ыгы-гы-гы!
- Может и так, но и ты скорее всего, никому не будешь нужна.
 - Эту почему?!
- Потому что книги никому вообще не будут нужны!
 - Ты уверен?
 - Heт!
- А зачем ты тогда мне это доказываешь?
 - А ты мне?!
 - Ыгы-гы!!!
- А потому что здесь нечем больше заниматься!
 - Неправда, есть.
 - Hy?
- Ну... ну... мужик силился чтолибо возразить, но, видимо, вся энергия у него уже кончилась. – Ладно, я сдаюсь.
 - Ну вот, видишь.
 - Ыгы-гы!!!

Внезапно другие шорохи вспугнули

что в этом городе не было ни одной жи- уже расслабившегося Антона. С других вержены. Но там имелись и карманные «улиц» стали слетаться другие книги. Казалось, они не замечали моего знакомого: он едва успел пригнуться, как на том месте, где только что была его голова, напоминая косяк энэлошэк, пролетело стадо детективов, дурацких как по содержанию, так и внешне.

В центре косяка, с видом пеликана в воробьиной стае рассекал воздух зелёным кирпичом «Советский энциклопедический словарь». Как он сумел так быстро добраться до места перепалки, видимо, осталось загадкой даже для самого словаря

Вообще зрелище слёта книг напоминало ведьминский шабаш на Лысой Горе. Со всех сторон слетались ведьмы, ведьмочки, порой попадались настоящие ведьмищи. И каждая ведьма (то есть, простите, книга) считала нужным высказать свою точку зрения. Их даже не волновало, интересует ли кого-то это самое мнение. Важно было высказаться просто для очистки совести.

Ближе всего к центру спора были словари, сумевшие своими габаритами проложить путь по спинам и переплётам своих менее удачливых собратьев по бумаге. Чуть дальше хлопали крыльями книги средних размеров. Кое-где даже вспыхивали драки за место. Не обошлось и без жертв: какая-то неизвестная книженция не менее неизвестного автора валялась на полу с порванным переплётом и раскиданными в живописном беспорядке страницами. То, что осталось на обложке (а это жалкие два-три листа), корчилось и ёрзало. Но никто не обратил внимания - все были заняты только со-

В самом центре находились зачинщики спора - там то и дело мелькала то «Магия для чайников», то лысый волоса-

Антон на секунду оторвал взгляд, закрыл глаза, и в смутной надежде что ему это всё привиделось и прислышалось (хотя спор шёл всё на более и более повышенных тонах), быстро распахнул их.

Увы, но ожидания Антона не оправдались: книги всё так же орали друг на друга, но в их нестройных рядах появилось какое-то подобие групп: в одной стороне - энциклопедии и словари, возглавляемые «Руководством по лысинам». Автор последнего откопал где-то в книжкиных недрах треуголку, явно видавшую Наполеона при жизни и принял вид опытного полководца (автор, не Наполеон).

С другой стороны были книги малого формата и чтиво, выпускаемое всякими Устиновыми и Донцовыми. Такого чтива (язык не поворачивается сказать «книги») было больше всего, но учитывая, что переплёты были немногим толще страниц, то количество компенсировало качество. Во главе всей этой братии и сестрии стояла (или летала?) «Магия для чайников».

Антон был слишком увлечён разглядыванием этих «армий», чтобы услышать слова, ставшие роковыми для многих книг в тот день.

Но как бы то ни было, слово не воробей: вылетит – можно только добить... Армии ринулись в бой.

Первыми в атаку полетели детективы. Как будто японские самолётыкамикадзе в Перл-Харборе, они ринулись таранить неповоротливые словари. Два из них - словарь Ожегова и англорусский словарь бумажными бомбами рухнули на пол, подминая под собой некоторые не успевшие отлететь книги противника.

Если бы в «лысой» армии были только большие тома, они были бы поиздания. Они составили основу противовоздушной обороны «лысых». Но все равно, их было слишком мало - тома один за другим падали наземь «Мёртвыми душами».

«Лысая» армия уже потеряла помимо словаря Ожегова и англо-русского словаря ещё первый, седьмой и двенадцатый тома «Советской энциклопедии» и прочие издания, не считая карманных книжечек. Но пособие по надрайке лысин и других блестящих вещей сумело заманить вражью армию в ловушку: к ближайшему стеллажу была отправлена «Книга о вкусной и здоровой пище». Естественно, «чайнико-магические» войска решили атаковать беззащитную книжку. Рой пестрых книжек за авторством Д. Донцовой накинулся на кулинарную книгу, как мухи на... варенье. В этот-то момент клин оставшихся в живых томов «Советской энциклопедии» и нанёс свой решающий удар. Как тёмнобордовая карающая длань, они с воем десятка бомбардировщиков времён Второй мировой врезались в стеллаж, надломив его. Сила удара была колоссальной: шедший впереди второй том был смят в гармошку, последующие за ним пострадали меньше, но тоже осели на паркет, лишь шедшие в самом хвосте отвернули и смогли продолжать бой.

Книжная полка тем временем стала крениться в сторону засады. Видя это, «Вкусная» и здоровая книга стала тяжело подниматься вверх, уводя за собой рой донцовских детективов. Последние, естественно, пошли за кулинарной книгой. Она завела стаю к противоположной полке и в какой-то момент резко ушла в пике. Чтиво не сразу сориентировалось, но когда это случилось, было уже поздно: их придавило между боковой стенкой стеллажа и протараненным боком. Довольная собой, вкусная и здоровая книга полетела рвать и метать дальше.

После того, как упал стеллаж, до Антона дошло (наконец), что тут опасно и надо спасаться. Не помня и не разбирая дороги, он бежал подальше от того места, где рвали друг друга на клочки озлобленные книги.

Наконец он добрался к выходу из библиотеки, где за конторкой мирно дремал, уткнувшись носом в свою писанину, Михаил Петрович.

- Что?! Кто?! подпрыгнул он, разбуженный топотом Антона, - А-а-а, это Вы, молодой человек. Ну-с, нашли свои мифы?
- Н-нет, заикаясь, пробормотал Ан-
 - Что такое?
- У-увид-дите, проговорил мой знакомый и пулей вылетел из библиотеки.

После того, как Антон рассказал эту историю мне, я отправился к Михаилу Петровичу, чтобы узнать, чем всё закончилось. Ответом мне была гневная проповедь на тему того, что современная молодежь - сплошь вандалы, умеющие только крушить.

«Ломать – не строить, пинать – не целовать» - пронеслась в моей голове мысль но я ее оттуда быстро выгнал.

В конце концов мне удалось выведать, что когда библиотекарь нашёл место битвы, сплошь усеянное мелкими клочками бумаги с редкими вкраплениями переплётов и почти целых книг, да ещё и поломанный стеллаж, он был готов порвать Антона на такие же мелкие клочки. Так что теперь Антону лучше на глаза Михаилу Петровичу не попадаться.

Вот так и оканчивается наша история, а для себя я сделал вывод: словами можно ранить, а словарём – убить.

Bcë.

(†:Провинциальный () НТЕЛЛИГЕНТ

16 Сентябрь 2010 г. Международн Детская страница Нелька и Ника

Сказочная фантазия

Жила-была маленькая девочка, звали ее Нелька. Не то, чтобы совсем маленькая. Она и школу давно закончила, и университет самых общих знаний. И не просто, а с амарантовым, как вечернее солнышко, дипломом. Но поскольку в чужом городе знакомых у нее было мало, а друзей вообще не водилось, ей порой становилось грустно. И тогда она чувствовала себя маленькой и незащищенной

Работала Нелька менеджером по продажам у Наглого Начальника в большой и шумной маркетинговой фирме, где все старались меньше работать и больше заработать. Те, у кого это получалось лучше, считались успешными деловыми люльми. Их хвалили, им завиловали, слушали высокопарные поучения, пока их не забирала милиция или «скорая».

Нелька продавала семь видов шоколадок и пять видов чая в пакетиках, поэтому была очень загружена. Хотя оклад ее был небольшим, а процент от сделок – низким, она как-то умудрялась платить за комнату строгой квартирной хозяйке, аккуратно одеваться и экономно кушать.

В другом конце мегаполиса жил-был маленький мальчик, звали его Ника. Не то, чтобы совсем маленький. Он университет управления и самоконтроля закончил. Правда, с лавандовым, как летнее небо, дипломом, но перед этим в колледже щадящих технологий еще и шафрановый, как прибрежный песочек, диплом бакалавра получил. А маленьким он был, потому что детство его как-то обошло: отец занимал важную чиновную должность (его иногда даже по телевизору показывали) и имел жесткие принципы. Поэтому был занятым и недоступным. А мать отца побаивалась и сына никогда не баловала и не жалела.

Чтоб не докучать родным, Ника ушел из дому и устроился мерчендайзером к Хитрому Хозяину в технический отдел супермаркета, где продавали цепи и насосы. Работа была неинтересной, но что ни сделаешь, чтобы обрести независимость, пусть и призрачную, которую дают деньги?

И встретились Нелька и Ника. Не на гремящей дискотеке, не на станции метро, не на суетном рынке. Не в городе, а в интернете. Сначала на каком-то незначительном форуме, а затем незаметно поаськались, инфой обменялись. И полюбили друг друга, только встретиться никак не решались - боялись идиллию сломать.

Было бы всё хорошо – и сказка не нужна. Однажды Наглый Начальник перестал платить Нельке зарплату. Не то, чтобы совсем перестал, а перевел на процент от сделки, да и тот уменьшил. «Кризис мировой!» – говорит. А сам минивэн на джип поменял... Поскольку простые люди и впрямь жить хуже стали, то шоколада и чая меньше покупали. А коль так, то и оптовики свернулись в кокон. Забрали у Нельки ее позиции и передали «успешному», который на ковер к Наглому Начальнику сбегал и доложил, что Нелька компьютерное время в личных целях использует и дресскод не всегда соблюдает.

А тут и у Ники Хитрый Хозяин вызвал Девелопера Окаянного, чтоб тот оценил, кого в целях оптимизации подрезать, кого прищемить. Глянул Окаянный Девелопер штатное расписание, да и вывел Нику на чистую воду: «Ни к чему, мол, на шесть цепей и четыре насоса мерчендайзинг!» Ника-то устраивался на работу логистом, да Хозяин, прохиндей, уговорил: «Будешь делать, что скажу, а числиться мерчендайзером, чтоб официально меньше тебе платить!»

Рассчитались напоследок буржуины нечестивые с работниками не деньгами, а товаром: Нельке шоколада и чая дали, а Нике – цепей и на-

Взгрустнули Нелька и Ника и договорились встретиться в режиме реалити. А как встретились, то полюбили друг друга еще больше. Только Нелька заметила, что у Ники есть родинка на шее, а Ника думал, что у Нельки волосы светлее. Родинка, понятно, в фас на фотке не видна, а колер прически видеокарта, наверно, исказила. Не о чем говорить - в минуту свыклись, словно всю жизнь

Любовь любовью, а что делать дальше - не знают. Но и расставаться не хотят. Идут себе по тротуарам да подземным переходам, парки-скверы преодолевают, строики-пусты и обходят.

Так и вышли за город. У Нельки на мобилке СМС-ка возникла: «Кого встретишь – тому верь!» И у Ники: «Кого встретишь – того не бойся!» А исходящие номера не определились. И опять телефоны тирлинькают, советы дают! Читали-читали Нелька и Ника, пока зарядка не кончилась, а затем выбросили мобильники, так как зарядные с собой не брали и звонить больше никому не собирались. А советы хоть и правильные, да что в них проку?

Откуда ни возьмись - Синяя Бомжиха Волосы растрепаны, блуза рваная, глаз подбит. «Молодые люди, коль вам не надо, то возьму ваши сотовики и на вино выменяю!» «Бери-бери, бабуля!» махнула рукой Нелька. Смеется Бомжиха беззубым ртом и вещает сиплым голосом: «Да я же ненамного старше вас! Только чары на мне злые, а так я молодая и красивая!» Неудобно стало Нельке, извинилась она, угостила Бомжиху шоколадкой и упаковку чая дала. Бомжиха голодная, ест шоколадку и шамкает: «Вижу, что далеко собрались, но нечего вам презентовать, кроме одолень-травы. Сжуйте по корешочку – столько силы у вас появится, что любую дистанцию одолеете. Дойти сможете от Берингова пролива до Свазиленда или от мыса Горн до Аляски. А шоколадка и чай, что вы

мне дали, к вам вернутся и у вас навек останутся!» А сама шоколадку дожевала и упаковку чая в грязный карман спрятала. И мобильники подобрала, а

Сжевали Нелька и Ника по корешку одоленьтравы. Только хотели попрощаться с Синей Бомжихой – уж нет ее, только легкий смрад остался. А зачем прощаться, коль все сделано и сказано? Дальше пошли.

Вечереет, а сон или усталость их не берут. Видят, перед крутым поворотом сидит на обочине Черный Байкер. Чапсы с бахромой, косуха в заклёпках, а на голове красная бандана повязана. Рядом чопер бездыханный остывает и шлем треснутый валяется. Сурово посмотрел на них Байкер, как место преступления опечатал. Не по себе стало Нике, однако виду не подает: «Что с мотоциклом, дядя?» Отвечает Черный Байкер почти человеческим голосом: «На мотоциклах макаки ездят, а у меня – дрегстер. Лег, когда на смотру пулил. Рогач уперся – чтоб не горшок, то башню б снесло! Звездец, в общем». «Не киксись, дядя, лучше озвучивай доступно: что с твоим дрегстером!» Усмехнулся Байкер и говорит настоящим человеческим голосом: «Повторяю для лохов: звездец, цепная передача накрылась!» Глянул Ника: «Звездочкато у тебя целая, а цепь, может, и моя сгодится?» И дает Байкеру 525-ю цепь. «Дак подойдет, блин!» - оптимистично ревет Байкер. «На вот, возьми еще насос про запас. А не нужен самому – мотобратам подаришь или выменяешь на что!»

Взбодрился Байкер, давай свою железяку ремонтировать. Сам на ребят не смотрит, а пророчит по-черному: «Вижу, что на всех болт забили и слинять от всех решили. Только никуда вы так не уйдете. Будете от города к городу кочевать, а везде всё одно и то же. И через некоторое время, опаньки! – снова окажетесь там, откуда вышли!» «Что бакланишь, дядя? Есть конкретика и позитив – поделись!» – Ника и вовсе осмелел.

А Черный Байкер закрыл цепную передачу крышкой, вывел моциль на шоссе, газанул, жиганул передним колесом по асфальту аж до дыма, ухмыльнулся и кричит: «Садитесь-ка на скворечник, ботаны. Головы пониже, и в обхватик. А я стрелку на сто-пятьсот - и на прохват!»

Чуть успели усесться да ухватиться Нелька с Никой. Так рванул Байкер, что если б пыль на автобане была, то до утра бы не осела!

Неслись они через горы-долы, реки-озера, поля-луга, пока в лесу ни остановились. А сколько времени на тот «прохват» понадобилось - и в

«Ну, ладушки, ботаны! - сказал на прощанье Байкер. – Дальше вы уж сами, а мне еще домой добраться надо. Всё у вас будет хип-хоп!» Вытащил из-за пазухи апельсин, подбросил Нельке. И акселератором: «Гр-р! Г-р-р-р-р!»
Только и успели ребята махнуть Байкеру на

прощанье, как черная косуха клёпками блеснула и красная бандана за деревьями мелькнула.

Прошли немного лесом Нелька и Ника и вышли к лесному озеру, на берегу которого стоял деревянный домик. Только к домику приблизились наперерез Егерь с ружьем. «Кто такие? – грозным голосом кричит. – Не велено, не дозволено, не указано!» «Так велите, дозвольте, укажите! – просит Нелька. – Что ж так расстраиваться, добрый человек?» А Егерь впрямь был добрым и не любил лишь браконьеров, да и то не всяких, а только тех, которые не от нужды, а от баловства охотятся.

Посмотрел, люди перед ним мирные, вреда от них никакого, а польза лесу - от всех, кто в нем живет. Потому что природу берегут, когда она становится домом. И разрешил Нельке и Нике в домике жить, даже на работу принял на полставки, чтоб зеленый патруль осуществляли и, если что где поправить надо, докладывали. А больше из-за того, чтоб никто к ним не цеплялся.

Так и живут Нелька и Ника с той поры в лесном домике на берегу озера. Друг дружкой не налюбуются, не намилуются, ни перед кем не кланяются, никому, кроме Доброго Егеря, ничего не должны, не обязаны. А Егерь к ним порой заходит, просит в крёстные звать, когда детки появятся, и чай с шоколадкой пьет.

Правду сказала Синяя Бомжиха: каждое утро у них в шкафчике и шоколад, и чай появляются, а так же – другие продукты. А у Ники – всякии инструмент и материал. Ни много, ни мало - по по-

Из апельсина, которым Черный Байкер угостил, на берегу озера апельсиновая роща выросла. Потому что зимы здесь не бывает. Ну разве иногда и ненадолго – на пару недель, чтоб Новый год со снегом встретить, на коньках по озеру покатать-А затем снова все цветет.

Небось, хочется спросить: не ложь ли все это? Ну что вы! Мы люди взрослые, серьезные, занятые. Хоть и врём постоянно, но только для собственной сиюминутной корысти или чтоб из переплета выкрутиться, а не лишь бы языком о зубы тереть. Может, интересно, что за территория такая, на которой все само собой появляется и апельсины рядом с березами растут? Где нет Наглых Начальников и Хитрых Хозяев, где не надо ни в офисе киснуть, ни у витрины зевать?

В стране Любви, Нежности и Доверия живут Нелька и Ника, чего и вам желаю.

А географически такого места на Земле, понятно, не существует. Да и вне Земли - вряд ли. Я обманывать никого не собираюсь – нет резона!

Юрий ЮЛОВ Беларусия, г. Минск

Ванда Саволайнен Финляндия

Нетипичный паучок

Старый, мудрый паучок Так сказал:- Тебе, внучок, Надо делом заниматься, Обучаться ремеслу. А не бегать влево, вправо, Бестолково по стволу. Кто капкан поставит мухе? Кто поймает стрекозу? Паутинки даже метра Ты не сплел. Что я скажу? Если спросит папа с мамой: - Лето как сынок провел? Ну а сын все лето прыгал, Песни пел, веночки плёл. Был он лучшим другом мухи, Стрекозу водил в кино, Все его в лесу любили, Не ругал его никто. Мне придется папе с мамой Так сказать, - Что мой внучок По природному закону Нетипичный паучок.

Принц

Я на маму рассердился, Сел у дома на крыльце И мечтаю: Было б классно Мне родиться во дворце. Перестал бы мыть я руки, Зубы чистить, убирать. И любимую футболку Запретил бы я стирать. Красота, родиться принцем: Только знай себе гуляй! И никто тебе не скажет: Ты неряха и лентяй! Мама тут мечты прервала, Ахнув, руки развела: - Где же так ты извалялся. И минута не прошла? Руки мыть иди, мечтатель, И пора давно к столу. Я и папе так сказала: Ждите, принца приведу!

Жадина

Моему соседу Мишке Скоро будет десять лет, И ему на эту дату Куплен был велосипед. Ну скажу я вам- машина, Просто ахнул весь наш двор! Ну а хитрый Мишка тут -же Заключает договор: Круг один -одна конфета, Просто так не подходи, Можно сливу, можно грушу, Если нету- уходи! Толстый жадина смеется, Малыши в углах ревут. Очень хочется ребятам Прокатится там и тут, Велик мой, конечно, старый, Даже ржавый. Ну и пусть! Я его отдам ребятам -Разгоняйте свою грусть.

Чёрный кот

Разве виноват кто в том, Что родился я котом? И не рыженьким проворным, А простым комочком чёрным.

Я как уголь, я как мгла, Не найду себе угла. Кто придумал эти сказки, Дело вовсе не в окраске.

Я в душе пушистый ,белый, Очень верный, очень смелый. Кто из вас меня поймёт-Друга верного найдёт.

Ну, ты вааще, молоток, васятка

- Ну, что ж, если вопросов нет, все свободны. Педсовет по допуску к выпускным экзаменам девятиклассников продолжался почти два часа, и уставшие учителя заторопились к выходу

 – А Вас, Галина Алексеевна, попрошу остатьявно подражая интонациям известного персонажа из фильма, сказал директор школы Евгений

Анисимович, Все недоуменно на меня оглянулись, – Присядь, девочка. (Мне тогда было двадцать пять лет, а Евгению Анисимовичу уже перевалило за шестьдесят и всех учительниц, даже своих ровесниц, он ласково называл «девочками», всем нравилось, особенно ровесницам) — Тебе поручается задание чрезвычайной важности. От тебя, можно сказать, зависит физическое и психическое здоровье твоих коллег, да и учащихся нашей школы, – директор говорил торжественно и проникновенно одновременно.

Ты, конечно, знаешь Василия Мельникова из 9«в».Понимаю, не учишь, но ведь слышала.

Я действительно слышала о его патологической безграмотности. Мальчика водили на консультацию к дефектологу, к психиатру, но все признали, что Вася вполне может обучаться в обычной, то есть в нашей школе. К нему домой приходили преподаватели русского языка и не только школьные, но и из университета приезжала дама-профессор филологии. Занимались репетиторы с Василием от силы неделю, а потом, несмотря на ну, очень высокую почасовую оплату, извинялись и исчезали.

 Так вот, – продолжал директор, – от тебя зависит, получит Василий аттестат об основном образовании и уйдет из школы или останется на второй год и еще целый год будет трепать учителям нервы. Он должен написать экзаменационную работу хотя бы на «три», поэтому ты сядешь рядом с ним. Я понимаю, там сделать что-то будет чрезвычайно трудно, но ты- девочка грамотная, вот возьми ириску, мы все на тебя надеемся.

Июнь, теплынь, на учительских столах благоухает сирень, стоят в вазах разноцветные тюльпаны. В открытые настежь окна летит тополиный пух. Девятые классы пишут изложение, Ага, вон мой подопечный сидит за последней партой, раньше это место называли «камчаткой». Вася - розовощекий, широкоплечий красавец, на две головы выше одноклассников. Ну еще бы, сидел два года в пятом, два года в седьмом. Больше оставлять нельзя - жалуются не только девочки- старшеклассницы, но и молоденькие учительницы, которым выпало вот такое счастье – обучать Васю. Я сажусь рядом, делаю вид, что занимаюсь своими делами, учителя русского языка из-за букетов поглядывают на меня сочувственно. Вася пишет не задумываясь ни на минуту, строчит-строчит, наконец облегченно вздыхает и отодвигает черновик, потягивается: все, написал.

Отдохни, а я посмотрю, – говорю я шепотом и беру черновик. Так, изложение, тема, это записано на доске, хотя уже вижу несколько ошибок, а дальше ..., я с ужасом смотрю на текст и ничего не понимаю: на каком же языке он пишет, буквы похожи на русские, а слова... Что означает это «истчье»?

- Еще,- перевел Вася, с хрустом разворачивая огромную плитку шоколада, это слово «еще» -A это: «Ваапще фсеоне»?

-«Вообще все они», ну что тут непонятного, - парень набивает рот шоколадом, блаженствует, а я пытаюсь разобрать, что он написал, и понимаю, что с заданием директора по спасению человечества в отдельно взятой советской школе мне не справиться. Я просто не знаю, что здесь исправлять и как...И, видно, такое отчаяние было написано на моем лице, что заглянувший в это время в класс Евгений Анисимович, махнул рукой, вызывая меня в коридор.

 Не вздумай реветь, – заорал он шепотом, –
 на, возьми ириску (откуда он их достает?), Не знаешь, как исправлять? По буквам, каждое слово. Не понимаешь, пусть переводит. Возьмите еще один черновик. Потом пусть перепишет

Пригрозив Василию, что за это изложение он наверняка останется еще на год в девятом классе или выйдет из школы со справочкой, мы, к большому неудовольствию Василия, занялись правкой: он переводил слово на русский язык, я записывала его на своем листочке, он переписывал это слово в новый черновик. И так – целых четыре страницы. Потом Вася переписал все в чистовик и сдал работу. И получил... «два»! Потому что, переписывая, он налепил новых ошибок.

И прибежала Васина мама, и стала так орать, и потребовала показать ту, которая нагадила ее сыну, потому что все у мальчика было просто замечательно, но к нему специально подсадили эту ...,специально, чтобы оставить ребенка на второй год! И она сейчас же идет в районо!

Евгений Анисимович совсем не хотел оставлять ребенка на второй год, он совсем не хотел, чтобы мамаша шла жаловаться в районо, он мечтал еще поработать в школе, поэтому он сказал этой толстой, совсем немолодой тетке: «Девочка, успокойтесь,— сказал он мягко,— я сейчас Вам все объясню». И показал Васькиной маме первоначальный вариант изложения. Мамаша сразу успокоилась, ей понравилось такое обращение «девочка», а когда она прочитала то, что написал ее сын, сказала ласково и восхищенно: «Ну, вааще, молоток Васятка, как отписал!»

Василия все же заставили по буквам переписать все набело и он получил в аттестат свою «тройку» по русскому языку. Целое лето все были просто счастливы.

А на августовском педсовете Евгений Анисимович трагическим голосом сообщил нам, что ролители Мельникова Василия принесли документы и Вася будет заканчивать десятый и одиннадцатый класс в нашей школе. Я сидела на «камчатке», на том самом месте, где писала с Васей изложение, все повернулись ко мне. «Бить будут, и правильно»,- расстроено подумала я, но коллеги, посмотрев на меня, дружно расхохотались.

Галина СТЕПАНОВА Россия, г. Новосибирск